

Воины бури

Автор:

Бернард Корнуэлл

Воины бури

Бернард Корнуэлл

The Big Book. Исторический роман Саксонские хроники #9

Британия, раннее Средневековье, долгая война. Раз за разом армии норманнов вторгались в Мерсию и Уэссекс, истребляя саксов в битве, но им так и не удалось завоевать британский остров целиком. Смелый и опытный полководец Утред Беббанбургский до сих пор успешно отражал набеги захватчиков, но на этот раз ему угрожает новый враг, чье имя сеет страх по обе стороны Ирландского моря, – конунг Рагналл. Он желает стать королем Британии и заручается поддержкой правительницы Дунхолма – чародейки Бриды. В далекой юности она любила Утреда, и тем сильнее ее нынешняя ненависть к нему. Но поистине нечеловеческая злоба кипит в ней против христиан. Брида клянется вернуть стране веру в древних богов и готовит бывшему возлюбленному страшную месть. Утред попадает в умело расставленную ловушку...

Девятый роман из цикла «Саксонские хроники».

Впервые на русском языке!

Бернард Корнуэлл

Воины бури

Bernard Cornwell

WARRIORS OF THE STORM

Copyright © 2015 by Bernard Cornwell

All rights reserved

Серия «The Big Book. Исторический роман»

Карта выполнена Вадимом Пожидаевым-мл.

© А. Л. Яковлев, перевод, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство АЗБУКА®

* * *

Роман «Воины бури»

посвящается Филу и Роберту

Географические названия

Написание географических наименований в англосаксонской Англии отличалось разночтениями, к тому же существовали разные варианты названий одних и тех же мест. Например, Лондон в различных источниках называется Лундонией, Лунденбергом, Лунденном, Лунденом, Лунденвиком, Лунденкестером и Лундресом. Без сомнения, некоторые читатели предпочтут другие варианты тех географических названий, что приведены в списке ниже, но я обычно использую написание, которое дает «Оксфордский» или «Кембриджский словарь английских географических названий» для эпохи, относящейся примерно ко времени правления Альфреда – 871–899 годам н. э., хотя и это не является непреложной истиной. К примеру, название острова Хайлинга в 956 году писалось «Хейлинсиге» или «Хаэглингейгге». Сам я тоже не был слишком последователен, используя современную форму «Нортумбрия» вместо «Нортхюмбралонд», тем самым избегая намека на то, что границы древнего королевства могли совпадать с границами современного графства.

Итак, мой список, как и выбор написания мест, весьма нелогичен:

Абергвайн – Фишгард, Пемброкшир

Аленкастр – Алстер, Уорикшир

Биббанбург – Бамбург, Нортумберленд

Бемфлеот – Бенфлит, Эссекс

Брунанбург – Бромборо, Чешир

Вилтунскир – Уилтшир

Винтанкестер – Винчестер, Гемпшир

Вирхелум – полуостров Уиррел, Чешир

Глевекестр – Глостер, Глостершир

Дифлин – Дублин, Ирландия

Дунхолм – Дарем, графство Дарем

Йорвик – Йорк, Йоркшир

Кайр-Лигвалид – Карлайл, Камбрия

Кент – Кент

Контварабург – Кентербери, Кент

Кумбраланд – Камбрия

Ледекестр – Лестер, Лестершир

Ликкелфилд – Личфилд, Стаффордшир

Линдкольн – Линкольн, Линкольншир

Лох-Куан – Странгфорд-Лох, Северная Ирландия

Лунден – Лондон

Манн – остров Мэн

Мэрс – река Мерси

Сестер – Честер, Чешир

Страт-Клота – Стратклайд, Шотландия

Сэферн – река Северн

Уз – река Уз

Усадьба Хротвульфа – Рочестер, Стаффордшир

Хеден – река Эден, Камбрия

Холм Эска – Ашдон, Беркшир

Хорн – Хофн, Исландия

Эдс-Байриг – Эддисбери-Хилл, Чешир

Эофервик – Йорк, Йоркшир

Часть первая

Сполохи на реке

Глава первая

В ночи полыхало пламя. Пожар опалил небо и заставил звезды померкнуть, затянув пространство между двумя реками густым черным дымом, когда Финан разбудил меня.

– Беда, – только и сказал он.

Эдит пошевелилась, я отодвинул ее.

– Оставайся тут, – бросил я женщине и выкатился из-под овчины.

Нашарив плащ из медвежьей шкуры, накинул его на плечи и выскочил следом за Финаном на улицу. Луны не было, лишь отсветы огня да большой столб дыма, медленно уносимый прочь от реки ночным ветром.

– Нужно бы выставить на стенах дополнительных воинов, – процедил я.

– Уже, – отрезал ирландец.

Оставалось только выругаться. Что я и сделал.

– Это Брунанбург, – уныло пробормотал Финан, и я выругался еще раз.

На главной улице Сестера собирался народ. Присоединившаяся к нам Эдит куталась в просторный плащ, а ее рыжие волосы блестели в свете факелов, горящих у церковной двери.

– Что стряслось? – сонно спросила она.

– Брунанбург, – мрачно сообщил Финан.

Эдит осенила себя крестом. Когда ее рука выскользнула из-под плаща, чтобы коснуться лба, моим глазам открылось нагое тело, потом она снова прижала плотную шерстяную ткань к животу.

– Локи, – буркнул я.

Бог хитрости был еще и богом огня, о чем частенько забывали христиане. Локи – самый пронырливый из всех богов, шутник, которому нравится обманывать, завлекать, предавать и ранить нас. Так и огонь многолик – способен согреть, готовить еду, обжигать и даже убивать. Я коснулся висящего на шее молота Тора.

– Там Этельстан, – сказал я.

– Если жив, – заметил Финан.

В темноте ничего не сделаешь. Путь до Брунанбурга занимает по меньшей мере два часа верхом. А такой непроглядной ночью выйдет дольше – мы будем наткаться на деревья и запросто можем угодить в засаду, устроенную теми, кто подпалил далекий бург. Оставалось лишь усилить наблюдение со стен Сестера на случай атаки на рассвете.

Нападения я не боялся. Сестер построили римляне, и эта крепость не уступит никакой другой в Британии. Северянам потребовалось бы преодолеть глубокий ров и лезть по лестницам на высокую каменную стену, а им никогда не нравилось брать приступом твердыни. Но Брунанбург горел, и кто знает, какие неожиданности принесет утро? Брунанбург был самым новым бургом из построенных правительницей Мерсии Этельфлэд. Он сторожил реку Мэрс, открывавшую норманнам прямой путь в центральную Британию. В минувшие годы на Мэрсе было оживленно: увенчанные драконьими головами суда вспенивали веслами воду, поднимаясь вверх по течению, чтобы новые воины влились в бесконечную борьбу между северянами и саксами. Брунанбург перерезал эту дорогу. В бургe располагался флот из двенадцати судов, чьи команды могли укрыться под защитой сложенных из толстых бревен стен бурга. Мы научили норманнов бояться кораблей Брунанбурга. Теперь враги предпочитали высаживаться на западных берегах Британии и шли в Уэльс или в Кумбраланд – негостеприимную дикую страну к северу от Мэрса.

Но только не сегодня. Этой ночью над Мэрсом метались огненные сполохи.

– Одевайся, – велел я Эдит.

Поспать нынче уже не удастся.

Женщина коснулась украшенного изумрудами креста на шее.

– Этельстан... – тихо промолвила она, словно молилась за него, положив пальцы на крест; мальчишка полюбился ей.

– Он либо жив, либо мертв, – отрезал я. – До рассвета ничего не узнаем.

Выехали мы перед самой зарей и в сером, как волчья шкура, свете поскакали на север, по мощеной дороге через тенистый римский погост. Я взял шестьдесят человек на быстрых легких лошадях, – если наткнемся на армию завывающих норманнов, есть шанс сбежать. Вперед я выслал дозорных, но мы так спешили, что отказались от обычного порядка, согласно которому двигаться дальше можно, только получив доклад от разведчиков. Теперь предупреждением послужит гибель наших патрулей. Мы свернули с римской дороги и поехали по тропе, проложенной через лес. С запада напоззли тучи, моросил дождь, но дым впереди по-прежнему поднимался. Устроенный Локи пожар способен загасить лишь сильный дождь, но никак не морось, и дым насмехался над нами и манил нас.

Из леса мы выехали на поле, а затем достигли места, где начинались заливные луга, постепенно словно стекавшие в реку. И там, далеко на западе, на широкой полосе серебристо-серой воды, обнаружился флот. Двадцать или тридцать кораблей, возможно больше, – подсчитать было затруднительно, потому что причалили их вплотную; но даже с такого расстояния я мог различить, что штевни их украшают норманнские звери: орлы, драконы, змеи и волки.

– Господь милосердный! – воскликнул Финан сокрушенно.

Мы прибавили ходу, следуя по тропе для скота, петлявшей вдоль высокого южного берега реки. Ветер дул нам в лицо, от его порывов Мэрс покрывался рябью. Брунанбурга мы до сих пор не видели, потому как форт располагался за лесистой возвышенностью, но внезапное оживление на опушке выдало присутствие людей, и оба моих разведчика повернули коней и галопом помчались к нам. Те, кто их встревожил, скрылись под покровом густой весенней листвы, а немного позже запел рог, и звук его уныло огласил серый сырой рассвет.

– Горит не бург, – неуверенно предположил Финан.

Вместо ответа я свернул с тропы прочь от реки, на поросшее сочной травой пастбище. Разведчики приближались, из-под копыт их коней летели комья влажного дерна.

– Господин, там люди среди деревьев! – закричал один из них. – Десятка два самое меньшее, может больше!

– Готовы к бою, – добавил второй.

– Готовы к бою? – переспросил Финан.

– Щиты, шлемы, оружие, – пояснил дозорный.

Я вел свои шесть десятков на юг. Полоса молодого леса, как забором, отгораживала нас от Брунанбурга, и, если враг начеку, он наверняка перерезал тропу. Иди мы по ней дальше, напрямик упремся в «стену щитов», укрытую среди деревьев, а вот свернув от реки, я заставлю противника перемещаться, расстроив боевой порядок. Поэтому я прибавлял ходу, переводя коня в легкий галоп. Сын скакал слева от меня.

– Это не форт горит! – закричал он.

Дым редел. Он все еще поднимался за деревьями – серое пятно, уплывавшее к низко нависшим тучам. Впечатление создавалось такое, что идет он от самой реки, и я подозревал, что Финан и Утред правы: горит не форт, а, скорее всего, корабли. Наши корабли. Но как удалось врагу добраться до них? Если бы норманны пришли днем, их бы заметили и защитники бурга атаковали противника. Ночной же набег казался невероятным. Мэрс мелок и испещрен илистыми отмелями, поэтому ни один кормчий не рискнет подняться так далеко вверх по течению во мраке безлунной ночи.

– Это не форт! – снова крикнул мне Утред.

В его понимании это была хорошая новость, но я опасался, что форт пал и его крепкие бревенчатые стены охраняет теперь орда норманнов. С какой стати им жечь то, что так легко защитить?

Местность пошла на подъем. Врагов среди деревьев я не видел, но это не означало, что их там нет. Сколько северян пожаловало? Тридцать кораблей? Вполне можно подразумевать тысячу воинов, и воины эти должны понимать, что мы прискачем из Сестера. На месте командира противника я поджидал бы прямо за лесом; исходя из этого предположения, мне следовало придержать коней и снова выслать вперед дозор, но я лишь подгонял лошадь. Щит висел у меня за спиной, и я его там и оставил, только высвободил из ножен Вдох Змея. Я был зол и опрометчив, но полагался на инстинкт, который подсказывал, что врага за

лесом нет. Засада вполне могла быть на тропе, но, свернув от реки, я не дал неприятелю времени передвинуть «стену щитов» на возвышенность. Полоса деревьев по-прежнему заслоняла вид, и я повернул лошадь и снова направился на запад. Врезавшись в листву, нырнул под ветку, предоставляя коню самому выбирать путь в лесу. Оставив деревья за спиной, натянул поводья, убавляя ход, чтобы осмотреться.

Врага нет.

Мои парни проламывались через кустарник и строились позади меня.

– Хвала Господу! – воскликнул Финан.

Форт не был захвачен. Флаг с белой лошадьё Мерсии все так же развевался над укреплениями, как и флаг Этельфлэд с гусем. Свисал со стены и третий стяг – стяг новый, его женщинам Сестера приказал сшить я. На нем был изображен дракон Уэссекса, который держал в вздетой когтистой лапе молнию. То был герб принца Этельстана. Малец просил поместить на свой флаг христианский крест, но я велел выткать вместо него молнию.

Я назвал Этельстана мальцом, но он был уже мужчиной – ему исполнилось четырнадцать или пятнадцать. Парнишка изрядно вытянулся, а детская проказливость умерялась опытом. Были люди, желавшие Этельстану смерти, и парень об этом знал, поэтому взгляд его сделался настороженным. Еще он был красавчик, – по крайней мере, в этом меня уверяла Эдит. Его внимательные серые глаза глядели со скуластого лица из-под черной, как вороново крыло, челки. Я величал его принцем Этельстаном, тогда как желающие ему смерти употребляли слово «ублюдок».

И многие поверили в их ложь. Этельстана произвела на свет милая кентская девушка, умершая при родах, а его отец – нынешний король Уэссекса Эдуард, сын короля Альфреда. Спустя пару лет после смерти той женщины Эдуард женился на западной саксонке и состряпал другого сына. Этельстан стал неудобен, особенно по причине молвы, утверждавшей, что на самом деле парень вовсе не был бастардом, ибо Эдуард тайно обвенчался с той девицей из Кента. Правда это или нет – а у меня имелись веские причины утверждать, что первый брак у Эдуарда был и Церковь его освятила, – не имело значения, так как слишком для многих в королевстве своего отца Этельстан был неудобным и

нежеланным отпрыском. Его воспитывали не в Винтанкестере, с другими детьми Эдуарда, но отослали в Мерсию. Эдуард заявлял, что любит мальчика, но не замечал его. Этельстан воистину чувствовал себя помехой. Он – старший сын короля, этелинг, но у него имелся сводный младший брат, ревнивая мать которого хотела видеть Этельстана мертвым, ведь он стоял между ее сыном и тронном Уэссекса. Я любил Этельстана. Любил достаточно, чтобы помочь ему воссесть на принадлежащий по праву рождения престол. Но прежде чем стать королем, нужно изучить обязанности взрослого мужчины, поэтому я поручил парню командовать флотом и флотом в Брунанбурге.

И вот теперь флот исчез. Сгорел. Остовы дымились близ обугленных руин пристани, а ведь на ее сооружение мы целый год потратили! Забивая в берег сваи из вяза, мы вывели пристань дальше отметки, до которой отступала вода при отливе. От такого причала флот уже мог отплыть в любой миг. Теперь пристань была уничтожена, как и длинные, с высокими штевнями корабли. Четыре из них сидели на мели выше верхней точки прилива и еще догорали, а остальные уже лежали черными скелетами в мелкой воде. Тем временем у дальнего конца пирса были пришвартованы к опаленным сваям три судна с драконьими головами. Еще пять драккаров держались чуть далее, при помощи весел не давая течению и отливу снести себя с места. Остальной вражеский флот располагался в полумиле вверх по реке.

А на берегу, между нами и сгоревшей пристанью, были люди. Люди в кольчугах, со щитами и в шлемах, с копьями и мечами. Похоже, сотни две. Они согнали в стадо тот немногочисленный скот, который сумели найти, и теперь подталкивали животных к берегу реки, где забивали их на мясо, которое грузили на корабли. Я посмотрел на форт. У Этельстана там имелось полторы сотни воинов, и я видел, что они густо усеяли стены, но не предпринимают попыток помешать отступлению неприятеля.

– Давайте убьем несколько ублюдков, – решил я.

– Господин? – вскинулся Финан, опасаясь многочисленности врагов.

– Они побегут, – ответил я. – Мерзавцы мечтают о своих безопасных кораблях, поэтому не захотят драться на суше.

Я извлек Вздох Змея. Все перебравшиеся на берег норманны были пешими и рассеялись. Большая часть держалась у входа на сгоревшую пристань, где могла быстро образовать «стену щитов», но дюжины прочих хлопотали со скотиной. Они-то мне и нужны.

Меня охватила злость. Я возглавлял гарнизон Сестера, и Брунанбург являлся частью этого гарнизона. Это был вынесенный вперед форт, и вот теперь он подвергся внезапной атаке, а его корабли сгорели. Мне хотелось обогреть этот рассвет кровью. Я поцеловал рукоять Вздоха Змея, затем ударил коня шпорами, и мы во весь опор устремились вниз по пологому склону, обнажив мечи и опустив копья. У меня копья с собой не имелось, но жалеть было поздно. Загонщики скота заметили нас и обратились в бегство, но они находились на илистом берегу, а коровы перепугались, и их копыта с чавканьем месили мокрый от росы дерн. Большая часть северян строила «стену щитов» в том месте, где обугленная пристань примыкала к земле, но нападение на них в мои планы не входило.

– Мне нужны пленники! – приказал я своим воинам. – Мне нужны пленники!

Один из кораблей норманнов двинулся к берегу – то ли с целью высадить подкрепление, то ли чтобы забрать своих. Тысячи белых птиц поднялись с серой воды и с криками закружились над лугом, где возникала «стена щитов». Я заметил знамя, взметнувшееся над рядами, но не имел времени разглядывать штандарт, потому что конь мой пересек дорогу, устремляясь к реке.

– Пленники! – еще раз крикнул я.

Пронесся мимо забитого бычка, кровь которого густым черным пятном разлилась по земле. Северяне, начавшие разделывать его, бежали, и вскоре я настиг их и свалил одного, ударив плашмя Вздохом Змея. Быстро развернулся. Конь заскользил в грязи, взвился на дыбы, и, используя его массу, я направил меч в грудь второму беглецу. Клинок вошел в плечо, углубился в тело, на губах врага выступили алые пузыри. Я пришпорил скакуна, чтобы высвободить тяжелое лезвие из тела умирающего. Мимо промчался Финан, затем мой сын. Он низко держал свой меч, Клюв Ворона, и перегнулся в седле, чтобы погрузить клинок в спину удирающего человека. Норманн с выпученными глазами замахнулся на меня секирой, но я легко уклонился, а потом Берг Скаллаgrimрсон воткнул ему между лопаток копье. Острие прошло через внутренности и вынырнуло, окровавленное, из живота. Берг скакал с непокрытой головой, и его светлые

волосы, длинные, словно женские, были увешаны косточками и лентами. Парень отпустил ясеневое древко и выхватил меч.

– Попортил его кольчугу, господин! – Он широко улыбнулся мне.

– Берг, мне нужны пленники!

– Сначала прикончу пару ублюдков, ладно?

Он поскакал прочь, все еще ухмыляясь.

Берг был воин из норманнов, лет восемнадцати или девятнадцати от силы, но уже успел сплавать в Хорн, что на острове огня и льда далеко в Атлантике, сражался в Ирландии, Шотландии и в Уэльсе. А еще рассказывал байки про путешествие на веслах вглубь березовых лесов страны, которая, по его словам, простирается к востоку от земли норманнов. Там обитают ледяные гиганты, раз доказывал он мне, и волки размером с коня. «Господин, я тысячу раз должен был погибнуть», – утверждал парень. Возможно и так, но сейчас жив он был исключительно потому, что я пощадил его. Берг стал моим человеком, принес мне присягу и, служа мне, снес мечом голову другому беглецу.

– Йо! – взревел он, повернувшись ко мне. – Хорошо наточил я клинок!

Финан устремился к самому урезу воды – так близко, что воин с приближающегося корабля метнул в него копье. Оружие воткнулось в ил. Финан небрежно свесился с седла, ухватился за древко и поскакал к месту, где на берегу лежал истекающий кровью человек. Ирландец обернулся к драккару, убедился, что за ним наблюдают, занес копье, готовый погрузить его в живот раненого. Помедлил и, к моему удивлению, отбросил оружие. Он слез с коня, присел перед лежащим, заговорил с ним, потом встал.

– Пленники! – крикнул Финан. – Нам нужны пленники!

В форте запел рог. Обернувшись, я увидел, как из ворот Брунанбурга хлынули воины. Они выбегали со щитами, мечами и копьями, готовые сформировать «стену», которая сбросит вражеский строй в реку. Но захватчики уже удирали и в поощрении с нашей стороны не нуждались. Норманны шлепали по воде мимо

обгоревших свай и остовов догорающих кораблей, чтобы добраться до ближайших драккаров. Приближающееся судно остановилось, вспенивая воду веслами, явно не желая вступать в бой с моими людьми, которые поносили врагов и поджидали их у края воды с мечами в руках и с окровавленными копьями. Все больше неприятелей устремлялось к кораблям с драконьими головами.

– Пусть уходят! – велел я.

Мне хотелось крови на заре, но какой смысл перебить дюжину мерзавцев на отмелях Мэрса и самому потерять примерно столько же? Главный флот врага, на котором наверняка еще сотни воинов, уже греб вверх по течению. Чтобы ослабить флот, мне требовалось истребить эти сотни, а не жалкую горсть.

Команды ближайших судов насмехались над нами. Я смотрел, как беглецов втягивают на борт, и размышлял о том, откуда мог прийти флот. Много лет прошло с тех пор, как мне доводилось видеть столько викингских кораблей. Я подвел коня к воде. Один из норманнов метнул копье, но оно упало с недолетом; я же демонстративно сунул Вздых Змея в ножны, выказывая врагу свое согласие прекратить битву, и заметил, как седобородый мужчина ткнул локтем юнца, намеревавшегося бросить еще одно копье. Я кивнул бородачу, и тот вскинул в ответ руку.

Так кто это такие? Пленники довольно скоро дадут ответ на этот вопрос, а захватили мы почти два десятка парней, которых в данный момент избавляли от кольчуг, шлемов и ценных вещей. Финан снова склонился над раненым и погрузился в разговор, и я повел коня ближе к ним, но в изумлении остановился, потому что Финан встал и принялся мочиться на лежащего, а тот из последних сил пытался достать обидчика рукой в перчатке.

– Эй, Финан! – окликнул я.

Он и бровью не повел. Заговорил с пленником на своем родном ирландском, и тот сердито отвечал ему на том же языке. Финан рассмеялся, потом, похоже, проклял соотечественника, нараспев бросая грубые членораздельные фразы, одновременно направив растопыренные пальцы на омытое мочой лицо пленного, словно произносил заклятие. Мне подумалось, что происходящее меня не касается, поэтому я снова повернулся к кораблям у оконечности разрушенной

пристани, и как раз вовремя, чтобы увидеть знаменосца, карабкающегося на последнее судно с высокими штевнями. Тот был в кольчуге, поэтому подтянуться у него никак не получалось, пока он не передал флаг и не протянул обе руки, чтобы два воина перетасили его через борт. Я узнал знамя и едва осмелился поверить собственным глазам.

Хэстен?!

Хэстен.

Если в подлунном мире когда-либо рождался бесполезный, подлый и склизкий кусок дерьма в человеческом образе, то это был Хэстен. Я знал его всю жизнь, а если точнее, спас его никчемную жизнь. Он присягнул мне, сжав свои руки вокруг моих, которые, в свою очередь, сжимали рукоять Вздоха Змея; мерзавец обливался благодарными слезами, когда клялся быть моим человеком, защищать меня, служить мне, и в обмен получил мое золото и мое покровительство. Не прошло и нескольких месяцев, как он нарушил клятву и поднял против меня оружие. Хэстен заключил мир с Альфредом, но преступил и эту клятву. Он привел армию опустошать Уэссекс и Мерсию, но в итоге под Бемфлеотом я загнал его людей в угол и обагрил ручьи и болота их кровью. Мы наполнили канавы телами убитых, а вороны знатно попиروвали в тот день, но Хэстен сбежал. Ему всегда удавалось сбежать. Он лишился армии, но не своей изворотливости и выступил снова, на этот раз на службе у Зигурда Торрсона и Кнута Ранулфсона. Те погибли в другой битве, а Хэстен опять улизнул.

И вот ублюдок вернулся. Его знамя – выбеленный череп на шесте. Оно дразнило меня с ближайшего из кораблей, который отгребал прочь. Люди на его борту выкрикивали оскорбления, а знаменосец махал флагом с черепом. Чуть дальше этого корабля отплывал драккар крупнее, с большим драконом, высоко вознесшим клыкастую пасть; на корме стоял закутанный в плащ человек. На его голове был серебристый шлем, украшенный черными крыльями. Мужчина снял шлем и отвесил мне издевательский поклон, и я узнал Хэстена. Он смеялся. Ему удалось спалить мои корабли и украсть немного скота, а для Хэстена это уже была вполне себе победа. Не месть за Бемфлеот – чтобы уравнивать кровавый счет, ему требовалось убить меня и всю мою дружину, – но он оставил нас в дураках и открыл Мэрс для большого флота норманнов, шедшего теперь вверх по течению. Вражеский флот, явившийся захватить нашу землю, привел Хэстен.

– Каким образом такой выродок, как Хэстен, мог оказаться во главе столь большого войска? – спросил я вслух.

– А он и не оказался. – Сын завел лошадь на отмель и натянул поводья рядом со мной.

– Как же тогда?

– Это Рагналл Иварсон командует армией.

Я ничего не сказал, но внутри у меня все похолодело. Рагналл Иварсон. Я знал это имя. Мы все его знали. Оно сеяло страх по обе стороны Ирландского моря. То был норманн, величавший себя морским конунгом, потому что владения его были рассеяны повсюду, где свирепые волны разбивались о скалы или песок. Он правил там, где плавали тюлени и летали тупики, где выли ветры и где тонули корабли, где холод резал кожу, подобно кинжалу, и где души утопленников стенали во тьме. Его воины захватили дикие острова у берегов Шотландии, выгрызли себе земли на побережье Ирландии, пленили народ в Уэльсе и на острове Манн. То было королевство без границ, – если где-то враг становился слишком силен, люди Рагналла садились на свои длинные корабли и отплывали в другой неприятный край. Они совершали набеги на берега Уэссекса, угоняя пленников и скот, и даже поднялись по Сэферну до Глевекестра, но стены этой крепости устроили их. Рагналл Иварсон. Мы с ним никогда не встречались, но я его знал. Знал его репутацию. Никто не умел более искусно обращаться с кораблем, никто не дрался свирепее, никто не внушал такого сильного страха. То был дикарь, пират, дикий король из ниоткуда. И моя дочь Стиорра вышла за его брата.

– Хэстен дал Рагналлу клятву верности. – Сын смотрел вслед удаляющимся судам. – Рагналл Иварсон покинул свои ирландские владения. Сказал своим воинам, что вместо них судьба жалует ему Британию.

«Хэстен – ничтожество», – подумалось мне. Это крыса, вступившая в союз с волком, растрепанный воробей, примостившийся на плече у орла.

– Рагналл оставил свои ирландские земли? – переспросил я.

– Так сказал тот человек. – Сын махнул рукой в сторону, где стояли пленники.

Я крикнул. Меня мало интересовало происходящее в Ирландии, но в последние годы приходили новости о том, что норманнов вытесняют оттуда. Корабли перевозили через море выживших в жестоких битвах, и те, кто рассчитывал разжиться наделом в Ирландии, теперь искали его в Кумбраланде или на валлийском берегу. Иные шли еще дальше, в Нейстрию или Франкию.

– Рагналл могуч, – пробормотал я. – С чего бы ему уходить из Ирландии?

– С того, что ирландцы убедили его уйти.

– Убедили?

Сын пожал плечами:

– У них есть колдуны – христианские колдуны, которые видят будущее. Они предсказали Рагналлу, что, покинув Ирландию, он станет королем всей Британии. И отрядили ему людей в помощь. – Утред кивнул в сторону флота. – На тех кораблях плывет сотня ирландских воинов.

– Королем всей Британии, значит?

– Так сказал пленник.

Я сплюнул. Рагналл был не первый, кто грезил править всем островом.

– Сколько у него людей?

– Двенадцать сотен.

– Ты в этом уверен?

Сын улыбнулся:

– Отец, ты хорошо вышколил меня.

– Чему же я тебя научил?

– Тому, что острое копье, приставленное пленнику к печени, является очень убедительным доводом.

Я смотрел, как последние драккары уходят на восток. Вскоре они скроются из виду.

– Бедвульф! – крикнул я.

Бедвульф был невысоким жилистым дружинником, с лицом, разукрашенным чернильными линиями, как принято у данов, хотя он был сакс. Один из лучших моих разведчиков, человек, способный незамеченным, как призрак, перебраться через открытый луг.

– Возьми дюжину парней, – велел я ему, потом кивнул в сторону исчезающих драккаров. – Следуй за ублюдками. Я хочу знать, где они пристанут.

– Слушаюсь, господин, – сказал он и направился прочь.

– И еще, Бедвульф! – окликнул его я, и воин повернулся ко мне. – Попробуйте разглядеть знамена на кораблях. Ищите красную секиру. Если увидите красную секиру, я должен об этом узнать, и быстро!

– Красную секиру, господин, – повторил он и удалился.

Эта секира была эмблемой мужа моей дочери, Сигтригра Иварсона. Теперь ему дали прозвище Сигтригр Одноглазый, потому что я забрал его правый глаз острием Вздоха Змея. Он напал на Сестер и был побит, но, потерпев поражение, увез с собой Стиорру. Она уехала не как пленница, но как возлюбленная, и время от времени до меня доходили вести о ней. Они с Сигтригром владели землей в Ирландии, и дочь присылала мне письма, потому как я научил ее читать и писать. «Мы катаемся на лошадях по пескам, – писала Стиорра. – А еще через холмы. Тут красиво. Они нас ненавидят». У нее родилась дочь, первая моя внучка, и Стиорра назвала ее Гизелой в честь своей матери. «Гизела красивая, – сообщалось в ее письме. – А ирландские священники проклинали нас. По ночам изрыгают свои проклятия, и это похоже на крик умирающих диких птиц. Мне тут

нравится. Мой супруг шлет тебе привет!»

Сигтригра всегда считали наиболее опасным из двоих братьев. Молва утверждала, что он умнее Рагналла, а его умение обращаться с мечом вошло в легенду. Но потеря глаза, а быть может, женитьба на Стиорре немного остепенили его. По слухам, Сигтригр довольствовался возделанными полями, рыбой в море и обороной своих земель. Но останется ли он доволен ими, если старший брат захватит Британию? Вот почему я поручил Бедвульфусу высматривать красную секиру. Мне требовалось знать, стал зять моим врагом или нет.

Принц Этельстан разыскал меня, когда последние из неприятельских кораблей скрылись из виду. Прибыл он с полудюжиной спутников, все на здоровенных скакунах.

– Господин, мне жаль! – начал парень.

Я сделал ему знак замолчать, снова переключившись на Финана. Он обрушивал яростные реплики на распростертого перед ним раненого, а тот огрызался, и не требовалось знать ирландский язык, дабы понять, что они обмениваются проклятиями. Не часто я видел Финана таким злым. Он шипел, орал, вещал, и ритмичные слова падали, как удары молота. Слова эти пригвоздили соперника, – уже раненый, тот еще больше слабел под градом оскорблений. Воины глядели на этих двоих, пораженные этим гневом. Потом Финан обернулся и схватил копье, прежде отброшенное им. Затем приблизился к жертве, сказал еще что-то, коснулся висящего на шее распятия. Как священник, вздымающий чашу с Дарами, мой друг поднял обеими руками копье острием вниз и задержал в таком положении. Он помедлил, после чего произнес по-английски:

– Да простит меня Господь.

И с силой опустил копье, закричав от натуги, когда острие прошло через кольчугу и грудину к самому сердцу. Лежащий дернулся, на губах его выступила кровь, а руки и ноги трепыхались. Несколько слабее ударов сердца, и он умер – с раскрытым ртом, пригвожденный к берегу копьем, насквозь пробившим сердце и погрузившимся в почву.

Финан рыдал.

Я подъехал ближе, наклонился в седле и коснулся его плеча. Это был мой друг, мой старейший друг, соратник в сотнях «стен щитов».

– Финан! – окликнул его я, но он на меня не смотрел. – Финан!

На этот раз ирландец поднял глаза.

– Я думаю, это был мой сын, – выдавил он.

– Кто? – опешив, переспросил я.

– Сын или племянник, не знаю. Прости меня Господь, я не знаю. Но я убил его.

Он побрел прочь.

– Мне жаль, – повторил Этельстан тоном таким же несчастным, как у Финана. Он смотрел на дым, медленно ползущий над рекой. – Они явились ночью, а обнаружили их, только когда увидели пламя. Мне очень жаль. Я подвел тебя.

– Не глупи! – фыркнул я. – Ты не мог остановить такой флот!

Я махнул рукой, указывая на поворот, где за деревьями скрылся последний из драккаров морского конунга. Один из наших горящих кораблей вздрогнул, и пар с шипением смешался с облаком дыма.

– Я намеревался дать им бой, – добавил Этельстан.

– Тогда ты просто дурак, – отрезал я.

Парень нахмурился, потом указал на догорающие суда и тушу забитого бычка.

– Я хотел остановить это! – возразил он.

– Ты выбираешь свои битвы, – сурово заявил я. – За стенами тебе ничто не угрожало, тогда зачем терять людей? Флот остановить ты не мог. К тому же

норманны желали, чтобы ты вышел и сразился с ними, а никогда не стоит делать того, чего хочет враг.

– Господин, я так ему и сказал, – вступил в разговор Редвальд.

Редвальд – пожилой мерсиец, человек осторожный, и его я отрядил в Брунанбург советником к Этельстану. Принц командовал гарнизоном, но он был юн, поэтому я приставил к нему с полдюжины из тех, кто постарше и поопытнее, дабы они удержали парня от ошибок молодости.

– Они хотели, чтобы мы вышли? – озадаченно спросил Этельстан.

– А где им сподручнее дать тебе бой? – осведомился я. – Под этими стенами? Или в открытом поле, «стена щитов» против «стены щитов»?

– Я так ему и сказал! – воскликнул Редвальд, но я не обратил на него внимания.

– Выбирай свои битвы! – рявкнул я Этельстану. – Вот это место промеж ушей отведено для того, чтобы ты думал! Если будешь бросаться в бой сразу, как только заметишь врага, заслужишь раннюю могилу.

– Так... – заикнулся Редвальд.

– Так ты ему и сказал, знаю! А теперь заткнись!

Я смотрел вверх по течению опустевшей реки. Рагналл привел в Британию армию, но как намерен ею распорядиться? Ему нужна земля, чтобы кормить своих людей, нужна крепость, чтобы защищать их. Брунанбург он миновал, но не входит ли в его планы развернуться и напасть на Сестер? Римские стены делают этот город прекрасной опорной базой, но и одновременно ужасным препятствием. Так куда же идет морской конунг?

– Но ведь ты именно так и поступил! – прервал Этельстан цепь моих размышлений.

– Как?

– Напал на врага! – Вид у него был возмущенный. – Только что! С ходу налетел с холма, а ведь противник превосходил тебя.

– Мне требовались языки, жалкий ты недомерок!

Я хотел выяснить, как Рагналл поднялся по реке в темноте. Столь многочисленный флот смог миновать отмели Мэrsa, не потеряв застрявшим ни единого корабля, либо благодаря какой-то невероятной удаче, либо Иварсон даже еще более умелый судоводитель, чем предполагает его репутация. То было впечатляющее достижение мореходного мастерства, но одновременно совершенно излишнее. Флот его был огромен, а у нас имелась всего дюжина лодок. Он смёл бы нас, не пошевелив даже веслом, и все же предпочел напасть ночью. К чему такой риск?

– Не хотел, чтобы мы перегородили фарватер, – высказал догадку сын.

Вполне вероятно. Получив предупреждение хотя бы за пару часов, мы могли бы затопить наши корабли в главном течении. Рано или поздно Рагналл придет, но будет ждать прилива, да и провести его тяжелые драккары будет нелегко. А мы тем временем отправили бы гонцов вверх по реке, чтобы там тоже перегородивали Мэрс и подтягивали воинов для горячей встречи. Так же он проскользнул мимо нас, нанес урон и уже проникает вглубь страны.

– Это были фризы, – уныло промолвил Этельстан.

– Фризы?

– Вчера вечером появились три купеческих судна. Причалили на реке. Они везли шкуры из Дифлина.

– Вы досмотрели их?

Принц замотал головой:

– Они заявили, что у них на борту была зараза.

– Поэтому на борт вы не поднимались?

– Там же зараза!

В обязанности гарнизона Брунанбурга входила проверка всех входящих в реку кораблей, по большей части с целью обложить пошлиной доставляемые в трюме товары, но никто не станет досматривать судно с больными на борту.

– Они сообщили, что везут шкуры, – пояснил Этельстан. – И уплатили деньги.

– И вы оставили их в покое?

Принц горестно кивнул. Пленники поведали остальное. Три купеческих корабля бросили якоря там, где фарватер Мэрса был самым узким, где больше всего для флота есть риск сесть на мель. «Купцы» зажгли фонари, чем и помогли драккарам Рагналла благополучно миновать опасное место. Прилив довершил дело. Позволь судну дрейфовать – и оно, как правило, будет придерживаться самого быстрого течения в самом глубоком канале. Поэтому, пройдя мимо трех «купцов», морскому конунгу оставалось только дать приливу доставить его к нашей пристани. Здесь он спалил и пристань, и корабли, поэтому теперь мог пользоваться рекой без всякой опаски. И получать подкрепления из своего морского королевства. Рагналл пробил нашу защиту на Мэрсе и сейчас оказался с армией внутри Британии.

Судьбу пленников я предоставил решать Этельстану. Их насчитывалось четырнадцать, и принц предпочел казнить их.

– Дождитесь отлива, – велел он Редвальду. – И привяжите их к столбам. – Этельстан кивнул на обугленные сваи, вкривь и вкось торчащие из бурлящей реки. – Пусть потонут с приливом.

Я уже послал Бедвульфа на восток, но новостей ранее конца дня не ожидал. Ситрику же приказал отрядить дозор на юг.

– Пусть гонят во весь опор, – распорядился я. – И сообщат леди Этельфлэд о случившемся. Передай, что мне нужны воины. Много воинов – все до единого!

– Под Сестером? – уточнил Ситрик.

Я в раздумье покачал головой:

– Скажи, пусть посылает их к Ликкелфилду. И что я иду туда.

Я повернулся и указал на Этельстана:

– Ты отправляешься со мной, ваше высочество. И захвати с собой большую часть гарнизона Брунанбурга. А ты, – я обратился к Редвальду, – останешься здесь. Обороняй бург. Можешь оставить пятьдесят человек.

– Пятьдесят? Но этого мало...

– Сорок! – отрезал я. – И если потеряешь его, я вырежу тебе почки и съем.

Так или иначе мы были на войне...

Финан сидел у воды на выброшенном рекой большом бревне. Я присел рядом.

– Расскажи мне. – Я кивнул в сторону трупа, все еще припиленного копьем.

– Что ты хочешь узнать?

– То, что ты захочешь поведать.

Мы молчали. Над нами пронеслись гуси, хлопанье крыльев нарушило утреннее затишье. Налетел и прошел короткий дождь. Один из убитых испустил газы.

– Мы идем в Ликкелфилд, – сообщил я.

Финан кивнул.

– Почему Ликкелфилд? – спросил он немного погодя.

Вопрос был задан приличия ради – ему не было дела ни до Рагналла, ни до норманнов и ни до кого-либо еще, не считая пронзенного копьем трупа на берегу реки.

– Потому, что я не знаю, куда идет Рагналл. Но из Ликкелфилда мы без труда можем выступить и на юг, и на север.

– Юг и север, – покорно повторил ирландец.

– Ублюдку нужны земли. И он попыбует захватить их либо в Северной Мерсии, либо в Южной Нортумбрии. Нам нужно быстро остановить его.

– Он пойдет на север, – заявил Финан, хотя до сих пор говорил не думая. Потом пожал плечами. – С какой стати ему выбирать войну с Мерсией?

Я подозревал, что мой друг прав. Мерсия стала могущественной, ее границы ошетинились бургами, укрепленными городами, зато на север простирались беспокойные земли Нортумбрии. То были владения данов, но их правители постоянно грызлись между собой. Сильный человек вроде Рагналла способен объединить их. Я без конца повторял Этельфлэд, что нам следует идти на север и отобрать земли у расколотых на группы данов, но она отказывалась вторгаться в Нортумбрию, пока ее брат Эдуард не приведет на помощь полки западных саксов.

– Отправится ли Рагналл на север или на юг, самое время дать ему отпор, – решил я. – Он только что прибыл сюда. Незнаком с местностью. Хэстен, разумеется, все тут знает, но вот вопрос – насколько доверяет Рагналл этому куску куньего дерьма? Нам известно со слов пленных, что собранная морским конунгом армия никогда еще не сражалась в одном строю, поэтому нам нужно ударить сейчас, прежде чем норманны подыщут убежище и почувствуют себя в безопасности. Мы сделаем то, что сделали ирландцы, – дадим Рагналлу понять, что ему тут не рады.

Снова тишина. Я следил за гусями, ища в их числе предзнаменование, но птиц было слишком много, чтобы сосчитать. Гусь – символ Этельфлэда, и разве гуси не добрый знак? Я прикоснулся к молоту на шее. Финан заметил жест и нахмурился. Потом сжал висящее на груди распятие и, переменившись вдруг в лице, дернул с такой силой, что кожаный ремешок оборвался. Некоторое время смотрел на серебряную безделушку, потом зашвырнул ее в воду.

– Я попаду в ад, – сообщил он.

На миг я потерял дар речи.

– Ну хотя бы мы по-прежнему будем вместе, – выдавил наконец я.

– Угу, – без улыбки отозвался друг. – Тот, кто убивает кровного родича, – проклят.

– Это тебе христианские попы сказали?

– Нет.

– Тогда откуда ты знаешь?

– Просто знаю. Вот почему мой брат не убил меня, а продал тому ублюдку-работоторговцу.

Так мы с Финаном познакомились: прикованные рабскими цепями к скамье и ворочающие длинными веслами. У нас на коже до сих пор сохранилось клеймо, хотя наш хозяин давно умер – его зарубил Финан в приступе ярости.

– С чего брату вздумалось избавиться от тебя? – поинтересовался я, понимая, что ступаю на зыбкую почву.

За все долгие годы нашей дружбы мне так и не удалось узнать, почему Финан стал изгнанником в родной Ирландии.

– Женщина. – Он скривился.

– Удиви меня, – хмыкнул я.

– Я был женат, – продолжал Финан. – Славная была женщина, из правящего королевского рода Уи Нейлл, а я был принцем своего народа. Мой брат тоже. Принц Коналл.

– Коналл... – повторил я после длившегося несколько ударов сердца молчания.

– В Ирландии маленькие королевства, – с грустью добавил он, глядя куда-то над рекой. – Маленькие королевства и большие короли, и мы воевали. Господи, как любим мы воевать! Королевство Уи Нейлл – одно из крупнейших, по крайней мере, на севере. Мы были вассалами Уи Нейллов. Платили им дань. Дрались за них, когда они требовали, пили за их здоровье, женились на их славных женщинах.

– И ты сочетался браком с женщиной из рода Уи Нейлл? – задал я наводящий вопрос.

– Коналл был младше меня, – не поддался Финан. – Следующим королем должен был стать я, но Коналл встретил девицу из рода О’Домнейл. Бог мой, как она была прекрасна! По рождению никто – не дочь вождя, простая молочница. И диво как хороша, – печально проговорил он, и в глазах у него блеснула влага. – Волосы темные как ночь, очи как звезды, а стан изящный, будто у летящего ангела.

– И звали ее... – подтолкнул я.

Финан коротко тряхнул головой, отменяя вопрос.

– И помоги нам Бог, но мы влюбились друг в друга. И убежали. Сели на коней и поскакали на юг. Только жена Коналла и я. Мы полагали, что уедем, скроемся и никто нас не найдет.

– А Коналл погнался за вами? – предположил я.

– Уи Нейлл погнался за нами. Господи, вот это была охота! Каждый христианин в Ирландии знал про нас, знал про золото, обещанное за нашу поимку. И да, Коналл охотился за нами.

Я молчал. Ждал.

– В Ирландии ничего не скроешь, – продолжил Финан. – Там негде спрятаться. Мелкие люди замечают тебя. Все тебя видят. Найди остров посреди озера, и про это узнают. Заберись на вершину горы – отыщут, забейся в пещеру – выследят. Нам бы сесть на корабль, да мы были молоды. Не знали.

– Вас нашли.

– Нашли. И Коналл пообещал, что устроит мне жизнь, которая будет хуже смерти.

– Продав тебя Сверри?

Сверри был тот самый работороговец, что нас заклеимил. Финан кивнул.

– С меня сорвали все золото, высекли, заставили ползать по дерьму Уи Нейллов, а потом продали Сверри. Я король, который никогда не правил.

– А девушка?

– И Коналл взял себе мою жену из Уи Нейллов. Священники разрешили ему, даже подталкивали, и он воспитал моих сыновей как своих собственных. Они меня проклинали. Мои родные сыновья меня проклинали. Этот вот, – он кивнул на труп, – проклинал меня только что. Я предатель, я проклят.

– И это твой сын? – мягко уточнил я.

– Он не сказал. Может быть. А может, парень Коналла. В любом случае моя кровь.

Я подошел к убитому, поставил правую ногу ему на живот и выдернул копье. Поддалось оно нелегко, и труп издал неприличный чмокающий звук, когда широкое острие вышло. На груди покойника лежал окровавленный крест.

– Священники похоронят его, – сообщил я. – Прочтут молитвы. – Я зашвырнул копье на отмель и вернулся к Финану. – Что случилось с девушкой?

Он пустыми глазами смотрел за реку, затянутую густым дымом от наших кораблей.

– Они дали воинам Уи Нейллов натешиться с ней вволю, – промолвил мой друг. – Меня заставляли смотреть. А потом они сжалились: убили ее.

– И твой брат послал людей в помощь Рагналлу?

– Уи Нейллы послали людей в помощь Рагналлу. И да, мой брат возглавляет их.

– А зачем они это сделали? – спросил я.

– Потому что Уи Нейллы станут королями севера. Ирландии и Шотландии – всего. Рагналл заберет земли саксов. Таково соглашение. Он помогает им, они помогают ему.

– И начнет Рагналл с Нортумбрии?

– Или с Мерсии, – пожав плечами, ответил Финан. – Но на чем-то одном они не остановятся, потому что им нужно все.

То был седой сон. Сон, преследовавший меня всю жизнь. Сон о северянах, завоевывающих Британию. Они нападали часто и были близки к успеху, но мы, саксы, выжили и давали сдачи, пока не вернули себе половину острова. А мы просто обязаны были проиграть! Северяне свирепы, они налетали с яростью и злобой, от их армий земля становилась черной. Но имелась у них роковая слабость. Они грызлись между собой, словно собаки, но как только одна из собак обретала силу и ей удавалось рыком и клыками заставить остальных повиноваться, эти вторжения становились опасными. А при первом же поражении эти армии рассыпались. Викинги шли за вожаком, пока ему сопутствовал успех, но стоило человеку выказать слабость, как соратники толпами бежали от него в поисках иного вождя.

И вот теперь армию возглавил Рагналл. Армию из норманнов, данов и ирландцев, а это означает, что Рагналл объединил наших врагов. Это делает его опасным.

Если, конечно, ему действительно удалось привести всех прочих псов к повиновению.

От пленников я узнал еще одну вещь. Сигтригр, муж моей дочери, отказался плыть с братом. И до сих пор в Ирландии. Бедвульф может решить иначе, потому что заметит знамя с красной секирой и подумает, что оно принадлежит

Сигтригру. Пленники поведали, что символ сообща используется братьями – флаг их покойного отца, кровавая секира Ивара. Топор Сигтригра пока отдыхает, зато оружие Рагналла прорубило зияющую дыру в нашей обороне. Я коснулся молота на груди и помолился, чтобы мой зять остался в Ирландии.

– Нам пора, – сказал я Финану.

Следует быстро разбить Рагналла.

Нам нужно мчаться на восток.

Глава вторая

Священники пожаловали на следующее утро. Было их четверо, и во главе стояли близнецы из Мерсии Сеолнот и Сеолберт, ненавидевшие меня. Я знал братьев с детства и платил им взаимностью, зато теперь хотя бы мог их различать. Многие годы я не был уверен, с кем из близнецов говорю, потому что они были похожи, как два яйца, но один из наших споров закончился ударом в зубы святоше, и с тех пор я знал, что тот, кто шепелявит и брызгает слюной, – это Сеолберт.

– Господин, ты вернешься к Пасхе? – спросил он у меня.

Держался Сеолберт очень вежливо, – сохранив пару зубов, пройдоха не спешил расставаться с ними.

– Нет, – отрезал я и на шаг продвинул коня. – Годвин! Разложи рыбу по мешкам!

– Да, господин! – отозвался тот.

Годвин – мой слуга. Он и еще трое парней выкатывали из одного из сестерских амбаров бочки. В бочонках хранилась вяленая рыба, и ребята вязали из веревок петли, чтобы нагрузить на каждую вьючную лошадь по два бочонка.

– Господин, у нас есть мешки? – наморщив лоб, спросил Годвин.

– У меня в кладовой двадцать два мешка с шерстью, – ответил я. – Передай управляющему, пусть опустошит их!

Я снова посмотрел на отца Сеолберта.

– Всю шерсть из мешков не вытряхнешь, – сказал я ему. – Часть прилипнет к рыбе и останется на зубах. – Мои губы расплылись в улыбке. – Если зубы есть.

– Сколько людей будет оборонять Сестер? – сурово осведомился его брат.

– Восемьдесят, – ответил я.

– Восемьдесят?!

– И половина из них больные, – добавил я. – Так что получится сорок годных, остальные калеки.

– Этого мало! – возмутился Сеолнот.

– Ясное дело, – буркнул я. – Но мне нужно войско, чтобы покончить с Рагналлом. Сестеру придется позаботиться о себе.

– Но если нагрянут язычники... – нервно предположил отец Виссиан.

– Язычники не знают о численности гарнизона, зато знают о силе стен. Согласен, оставлять так мало людей – рискованно, но выбора нет, я иду на этот риск. И у вас будут люди из фирда. Годвин, возьми мешки и под хлеб!

Я забрал чуть более трехсот воинов, оставив количество, едва достаточное, чтобы оборонять стены Сестера и Брунанбурга. Легко сказать, что я повел три сотни воинов. Как будто все, что нужно, – это сесть на коней, выехать из Сестера и поскакать на восток. Нет, необходимо было организовать армию. Нам требовалось везти с собой запас провизии. Ехать предстояло по местности, где продовольствие можно купить, только его на всех не хватит. Норманны станут отбирать желаемое силой, но нам-то придется платить, ведь это наша собственная страна, поэтому при мне имелаась вьючная лошадь с грузом серебряных монет под охраной двух дружинников. Общее наше число

значительно превышало три сотни, потому как многие воины брали с собой слуг, иные – женщин, с которыми не могли расстаться, были еще мальчишки, чтобы вести запасных коней и следить за обозными лошадьми с доспехами, оружием, мешками с солониной, копченой рыбой, сухарями и твердым сыром.

– Тебе ведь известно, что происходит на Пасху! – сурово воскликнул Сеолнот.

– Еще бы не знать, – отозвался я. – Мы детей делаем.

– Это в высшей степени возмутительно... – начал было Сеолберт, но прикусил язык под гневным взглядом брата.

– Мой любимый праздник, – весело продолжал я. – Пасха – день, когда делают детей!

– Это самый торжественный и радостный праздник всего христианского года, – наставительно произнес Сеолнот. – Торжественный, потому что мы вспоминаем о мучительной смерти нашего Спасителя, а радостный по причине Его воскресения.

– Аминь, – воскликнул отец Виссиан.

Виссиан был еще один мерсиец, молодой человек с копной преждевременно поседевших волос. Мне Виссиан даже нравился, только он шел на поводу у близнецов. Рядом с ним стоял отец Кутберт, слепой и улыбчивый. Он и прежде слышал этот спор и наслаждался им. Я хмуро посмотрел на попов.

– Почему Пасху у нас называют Истер? – спросил я.

– Потому что наш Господь умер и воскрес на Востоке[1 - East – восток, Easter – Пасха (англ.)], разумеется, – ответил Сеолнот.

– Навоз лошадиный, – отозвался я. – Ее называют Истер в честь праздника Эостры, и вам это известно.

– Это не... – начал возмущенно Сеолберт.

– Эостры! – перебил его я. – Богини весны! Богини зачатия детей! Вы, христиане, украли у нее и имя, и праздник!

– Не слушайте его! – завизжал Сеолнот, но он знал, что я прав.

Эостра – богиня весны, и богиня веселая при этом, из чего следует, что много детишек рождается в январе. Христиане, естественно, стараются прекратить это веселье, заявляя, что название Истер связано исключительно с Востоком, но, как обычно, христиане городят чушь. Истер – это праздник Эостры, и вопреки проповедям о торжественном и священном смысле Пасхи народ по большей части не забыл еще о долге перед Эострой, поэтому каждую зиму детишки исправно появляются на свет. Все три года, которые я прожил в Сестере, я неизменно настаивал на празднике в честь Эостры. Там выступали огнеходцы и жонглеры, музыканты и акробаты, проводились борцовские поединки и скачки. Ставились прилавки, где продавался любой товар от посуды до драгоценных украшений. А еще были танцы. Попам не нравятся танцы, но люди все равно пляшут, а если есть пляски, то и дети рождаются в срок.

В этом году все шло иначе. Христиане решили создать должность епископа Сестерского и датой вступления его в сан назначили Пасху. Звали нового епископа Леофстаном. Я никогда не встречался с ним и знал лишь то, что он едет из Уэссекса и заслужил громкую славу своей набожностью. Леофстан – ученый, как мне сообщили. Кроме того, женат, но, будучи провозглашен прелатом, храбро поклялся поститься три дня в неделю и соблюдать целибат. Слепой отец Кутберт, любитель всего забавного, рассказал об обете епископа, зная, что это меня потешит.

– Какую он дал клятву? – переспросил я.

– Не ублажать свою жену.

– Она, видно, старая или уродина?

– Говорят, что женщина не дурна собой, – покачал головой отец Кутберт. – Однако наш будущий епископ заявил, что Господь отдал за нас жизнь, поэтому самое малое, чем мы можем пожертвовать ради Него, – это плотскими удовольствиями.

– Да он дурак!

– Мне не следовало бы соглашаться с тобой, – пробормотал Кутберт. – Но да, господин, Леофстан – дурак.

Рукоположение дурака и привело Сеолнота и Сеолберта в Сестер. Они планировали церемонии и приглашали аббатов, епископов и священников со всей Мерсии, из Уэссекса и даже из Франкии.

– Мы обязаны обеспечить им безопасность, – настаивал теперь Сеолнот. – Мы обещали, что город будет защищен от любой атаки. Восьмидесяти воинов для этого мало! – желчно подытожил он.

Я сделал вид, что озабочен:

– Хочешь сказать, что, если придут даны, ваших церковников могут перебить?

– Разумеется! – Тут поп заметил мою улыбку и от этого взбесился еще сильнее. – Нам нужно пятьсот человек! Король Эдуард может приехать! Леди Этельфлэд обязательно пожелует сюда!

– Не пожелует. Она будет со мной сражаться против Рагналла. Если придут норманны, вам лучше просто молиться. Ваш Бог вроде как творит чудеса, так ведь?

Я знал, что Этельфлэд поспешит на север, как только мои гонцы прискачут в Глевекестр. Эти же самые гонцы закажут постройку новых кораблей у мастеров на Сэферне. Я предпочел бы приобрести их в Лундене, где на верфях работают опытные фризские корабелы, но пока придется купить три судна у сэфернских умельцев.

– Объясните, что мне требуются маленькие корабли, – наставлял я посланцев. – Не более тридцати весел с каждого борта!

На Сэферне строят большие суда, широкие и с глубокой осадкой, способные преодолевать суровое море по пути в Ирландию, но на мелкой реке от таких толку мало. Спешить некуда – команды для этих кораблей поскачут со мной на

восток, а Редвальду я велел за время нашего отсутствия начать восстанавливать пристань. Он работает на совесть, только медленно.

Сына я отрядил вперед с полусотней воинов, все верхом на легких быстрых конях. Они выехали на день раньше нас, их задачей было преследовать врага, нападать на отряды фуражиров и подстерегать разведчиков. Бедвульф уже шел за войском Рагналла, но ему полагалось просто известить меня о месте высадки армии северян, а это событие должно было произойти вскоре, потому что в нескольких милях вверх по течению река становилась несудоходной. Сойдя на берег, войско Рагналла вынуждено будет рассредоточиться, чтобы обзавестись лошадьми, провизией и рабами, а моему сыну предстояло задержать его – беспокоить, и при этом, если хватит ума, избегать прямого боя с неприятелем.

– Что, если Рагналл пойдет на север? – спросил Финан.

– Я велел Утреду не покидать саксонских земель, – был мой ответ.

Я понимал, к чему клонит мой друг. Если морской конунг поведет своих на север, то войдет в Нортумбрию – страну, подвластную данам, и тогда Утред и его дружина окажутся в кольце превосходящих числом противников.

– Думаешь, он подчинится? – поинтересовался ирландец.

– Парень не дурак.

Финан криво улыбнулся:

– Весь в тебя.

– В смысле?

– В смысле, что он такой же, как ты, и, скорее всего, пройдет за Рагналлом полпути до Шотландии, прежде чем образумится. – Финан наклонился, подтягивая подпругу. – К тому же кто способен сказать, где заканчивается Мерсия и начинается Нортумбрия?

– Утред будет начеку.

– Хорошо бы. – Ирландец вдел ногу в стремя, запрыгнул в седло, устроился поудобнее, взял поводья. Потом оглянулся на четверку священников. Те, сдвинув головы и размахивая руками, совещались между собой. – Чего им надо?

– Чтобы я оставил войско для защиты их проклятых епископов.

Финан хмыкнул, потом повернулся и посмотрел на север.

– Жизнь – это горшок с дерьмом, верно? – с горечью промолвил он.

Я ничего не ответил, просто глядел, как мой друг освобождает в ножнах свой меч, Похититель Душ. Убитого сына или племянника он похоронил на берегу реки. Сам выкопал могилу и отметил ее камнем.

– Семья, – мрачно буркнул ирландец. – А теперь пойдем убивать других выродков.

Я залез в седло. Солнце уже встало, но находилось пока невысоко на востоке, прячась за серыми облаками. Со стороны Ирландского моря дул пронизывающий ветер. Воины садились по коням, последние копыта приторачивали к вьючным лошадям, и тут у северных ворот запел рог. Его использовали только в том случае, если часовые замечали что-то стоящее моего внимания, поэтому я тронул скакуна и поехал по главной улице. Мои дружинники, решив, что мы выступаем, потянулись следом. Пока я рысил мимо главного дома Сестера, рог запел снова, а потом еще и в третий раз, когда я соскользнул с седла и пошел вверх по ступеням на площадку над аркой ворот.

Приближалась дюжина всадников. Они ехали через римское кладбище, гоня скакунов во весь опор. Я узнал серую лошадь сына, потом заметил рядом с ним Бедвульфа. Парни осадил коней прямо перед рвом, и Утред вскинул голову.

– Норманны на Эдс-Байриге! – крикнул он.

– Ублюдков около тысячи, – добавил Бедвульф.

Я непроизвольно посмотрел на восток, хотя и знал, что Эдс-Байриг с надвратного укрепления не разглядеть. Но он находился близко – от нас до него

на восток было не дальше, чем до Брунанбурга на запад.

– Они там укрепляются! – доложил Утред.

– Что такое? – На площадку поднялся Финан.

– Рагналл не идет на север, – ответил я. – И на юг не идет.

– Тогда куда?!

– Сюда, – объявил я, продолжая смотреть на восток. – Он идет сюда.

На Сестер.

Эдс-Байриг входил в гряду невысоких холмов, протянувшихся с севера на юг. Сам он представлял собой самую возвышенную точку гребня – поросший травой горб, похожий на остров среди моря дубов, шумевшего у его подножия. Склоны по большей части пологие, и подъем на него был бы легкой прогулкой, кабы древний народ, обитавший в Британии задолго до того, как мои предки пересекли море, и даже до прихода римлян, не обнес холм кольцом из стен и рвов. Стены были не из камня, вроде сложенных римлянами вокруг Лундена и Сестера, и не бревенчатые частоколы, какие строим мы, но из земли. Древние окопали продолговатый гребень глубоким рвом, а землю насыпали с внутренней стороны рва, устроив крутой подъем. Потом вырыли еще один ров, ближе к вершине, и возвели дополнительный вал. И хотя под воздействием долгих лет и затяжных дождей двойные стены осели и наполовину затянули двойные рвы, оборонительные сооружения оставались мощными. Название холма означало «крепость Эда», – без сомнения, некий сакс по имени Эд обитал некогда там и использовал стены для защиты своих стад и дома, но твердыня была гораздо старше времени, на которое указывало имя. Подобные поросшие травой форты встречались на многих высоких холмах по всей Британии – доказательство того, что люди сражались за эти земли все время, какое обитали здесь. Интересно, неужели и тысячу лет спустя народ все еще будет строить стены и выставлять на ночь часовых в ожидании нападения врага на рассвете?

Подступиться к крепости Эда было непросто. Ее окружали густые леса, а в чаще так легко устроить засаду. Дружинникам моего сына удалось близко подобраться к гребню, прежде чем воины Рагналла отогнали их. Наши отошли к равнинному пастбищу на западной оконечности леса, где я и обнаружил их, ведущих наблюдение под прикрытием густой листвы.

– Они углубляют рвы, – доложил один из парней Бедвульфа вместо приветствия. – Господин, отсюда видно, как ублюдки шуруют лопатами.

– И деревья рубят, – добавил сам Бедвульф.

Стук топоров я слышал. Доносился он издалека, приглушенный пышными весенними кронами.

– Он строит бург, – проворчал я. Войска Рагналла углубляют старые рвы и подсыпают валы, по верху которых соорудят бревенчатый частокол. Я повернулся к Бедвулфу. – Где пристали корабли?

– Господин, там, где верши. – Дружинник кивнул на север, давая понять, в какой это стороне, потом оглянулся, услышав далекий треск, извещающий о падении подрубленного дерева. – Перед ними они сели на мель. Норманнам пришлось немало повозиться, чтобы вытащить корабли из ила.

– Корабли все еще там?

Разведчик пожал плечами:

– Утром были.

– Их будут охранять, – предупредил меня Финан. Ему показалось, я замышляю напасть на корабли Рагналла и сжечь их, но это было бы глупо.

– Я бы предпочел, чтобы он убрался назад в Ирландию, поэтому корабли его не трону. Мне вовсе не хочется, чтобы ублюдок застрял тут. – Я поморщился. – Все идет к тому, что попы добьются своего.

– Чего именно?

– Если Рагналл останется тут, то останемся и мы.

Я собирался уйти с тремя сотнями своих воинов на восток к Ликкелфилду и соединиться с посланными из Глевекестра силами Этельфлэд, но, если норманн засядет на Эдс-Байриге, мне придется остаться для защиты Сестера. Я вернул всех обозных лошадей в город и отправил дополнительных гонцов на юг с приказом прервать марш на Ликкелфилд и вместо этого стягиваться к Сестеру. А потом приготовился ждать.

Ждал я Этельфлэд и ее мерсийскую армию. В моем распоряжении имелось три сотни воинов, а у Рагналла тысяча с лишним, и каждый день к нему прибывали новые. Это нервировало. И бесило. Гарнизону Брунанбурга оставалось только наблюдать, как украшенные звериными головами суда поднимаются по Мэрсу. В первый день кораблей прошло два, во второй – три. И с каждым днем их становилось все больше – драккаров, битком набитых людьми с самых отдаленных островов Рагналла. Другие шли по суше, из датских гнезд в Нортумбрии. Они стремились к Эдс-Байригу в расчете на саксонское серебро, саксонские земли и саксонских рабов. Армия Рагналла разрасталась, а я ничего не мог поделать.

Морской конунг превосходил меня числом по меньшей мере втрое, и, чтобы напасть на него, требовалось провести людей через лес, окружающий Эдс-Байриг, а лес представлял собой смертельную западню. Немного южнее холма проходила старая римская дорога, но деревья захватили ее, и, оказавшись среди их густых крон, мы не сможем ничего разглядеть дальше чем на тридцать или сорок шагов. Я выслал в эти дебри отряд разведчиков, и из четверых вернулись только трое. Четвертого обезглавили, а обнаженное тело бросили на пустоши. Мой сын хотел взять всех наших людей и вломиться в заросли, ища боя.

– Какой в этом прок? – спросил я у него.

– Часть их воинов должна охранять корабли, – сказал он. – А другие будут строить новую стену.

– И?..

– И нам не придется иметь дело со всей армией Рагналла. Допустим, только с половиной.

– Балда ты, – сказал я. – Ведь Рагналл именно этого от нас и хочет.

– Он хочет напасть на Сестер, – возразил Утред.

– Нет, этого хочу от него я.

Вот так мы с Рагналлом расставили друг для друга ловушки. Пусть он и превосходил меня числом, но идти приступом на Сестер опасался. Младший его брат попытался уже взять город и лишился при попытке правого глаза и большей части войска. Укрепления Сестера внушали уважение. Воинам Рагналла предстояло преодолеть глубокий, полный воды ров, утыканный кольями, потом взобраться на стену вдвое выше человеческого роста, и это под ударами копий, секир, градом камней и ведер с дерьмом. Рагналла ждал крах. Его люди полягут под нашей твердыней. Я как раз желал, чтобы морской конунг пришел под город и полез на стены; я хотел перебить его норманнов на оборонительных сооружениях Сестера. Он знал, что я желаю этого, и поэтому не приходил.

Но и мы не могли напасть на него. Даже если бы я сумел без урона провести всех пригодных к бою людей через лесную чащу, нам все равно предстояло взбираться на Эдс-Байриг, пересекать рвы и земляные валы с сооруженным на них новым частоколом. А тем временем превосходящие числом норманны и ирландцы Рагналла устроили бы нам резню, о которой их поэты сложили победную боевую песнь. Как бы они ее называли – «Сказание о Рагналле Могучем»? Речь там шла бы о взмахах клинков, об умирающих супостатах, о рвах, полных крови, и об Утреде, великом Утреде, сраженном в своей боевой славе. Рагналлу хотелось услышать эту песню, хотелось, чтобы я напал. Я же знал о его желании и не собирался идти ему навстречу. Просто ждал.

Сложив руки мы не сидели. Я распорядился, чтобы в ров вокруг Сестера набили новых заостренных кольев, на юг и на восток послали дополнительных гонцов, чтобы созывать фирд. Конечно, войско из крестьян не могло противостоять норманнской «стене щитов» в открытом бою, зато способно было оборонять стены бургов. И каждый день я высылал сотню конных кружить у Эдс-Байрига. Всадники огибали большой лес с юга, потом ехали по дуге на север. На третий день я лично возглавил этот дозор. Это был тот самый день, когда вверх по

Мэрсу поднялись четыре корабля, по меньшей мере по сорок воинов на каждом.

Мы стояли в кольчугах и с оружием, хотя больших щитов не взяли. Я облачился в ржавую кольчугу и старый шлем без украшений. Вздох Змея был при мне, зато знаменосец остался в Сестере. Я отправился в скромном наряде потому, что не собирался вступать в бой. Мы ехали на разведку, высматривая отряды фуражиров Рагналла и его патрули. К Сестеру он людей не посылал, что было странно. Чем же он занят?

Через гребень мы перебрались милях в четырех или в пяти к югу от холма Рагналла. Поднявшись на невысокий хребет, я уставился на север, но не мог разглядеть почти ничего из происходящего на далеком Эдс-Байриге. Я знал, что там строят частокол, что рабочие забивают дубовые бревна в земляной вал. И не сомневался, что Рагналл догадывается о моем нежелании растрачивать впустую жизни, атакуя эту стену. На что же он рассчитывает? Что рано или поздно я сваляю дурака, потеряю терпение и пойду на приступ?

– Господин! – прервал мои размышления Ситрик. Он указывал на северо-восток, и я заметил примерно в миле от нас около дюжины всадников. Чуть дальше виднелись еще конные – десятка два, быть может. Все направлялись на восток.

– Получается, они нашли лошадей, – проворчал я.

Согласно нашим наблюдениям, а также по свидетельству пленников, враг доставил на кораблях очень мало коней, разве что для фуражиров. Как я подозревал, северяне ухитрились захватить еще несколько лошадей, и новые всадники могли, в свою очередь, расширять круг поисков, хотя к этому времени весь здешний край знал о присутствии северян. Селений тут было мало, потому что земли приграничные и не принадлежали ни данам из Нортумбрии, ни саксам из Мерсии. Немногочисленное местное население оставило к этому времени свои дома и угнало скот на юг, к ближайшему бургу. В стране правил страх.

Скатившись с гребня, мы поскакали по лесистой местности на восток, следуя заросшей тропе пастухов. Разведчиков вперед я не отправлял, предположив, что едва ли у Рагналла достаточно лошадей, чтобы выслать против нас сильный отряд конников. И действительно, врага мы не повстречали, даже когда повернули на север и поехали по пустоши, на которой прежде заметили всадников.

– Стараются не попадаться нам на пути, – с некоторым разочарованием проговорил Ситрик.

– А ты бы поступил иначе?

– Чем больше наших они убьют, тем меньше останется защитников на стенах Сестера.

Я пропустил этот глупый ответ мимо ушей. В намерения Рагналла не входило класть своих людей под укреплениями Сестера. По крайней мере, пока. Так что у него на уме? Я задумчиво оглянулся. Утро выдалось сухое, ну или точнее, без дождя, хотя воздух был сырой, а ветер холодный. Ночью прошел сильный ливень и земля сочилась от влаги. Но отпечатков копыт, пересекающих тропу, я не видел. Если Рагналлу нужны лошади и провизия, есть смысл искать их в богатых поселениях к югу от нас, в глубине Мерсии, однако похоже, что в том направлении морской конунг отряды не высылал. Я мог, конечно, пропустить следы, но это было маловероятно. К тому же Рагналл не дурак. Ему известно, что подкрепления должны подходить к нам с юга, а он явно не высылает дозоры высматривать нового противника.

Почему?

Потому что, ответил я себе, ему нет дела до наших подкреплений. Я смотрел на север и не видел ничего, кроме густых лесов и сырых полей, и думал о том, чего достиг Рагналл. Он смёл наш маленький флот, в результате мы лишились возможности без труда переправиться через Мэрс, если только не удалимся на восток, чтобы разыскать неохраняемый брод. Он превратил Эдс-Байриг в крепость – твердыню практически неприступную, пока в нашем распоряжении не будет армии, намного превосходящей норманнов числом. Смысл укреплять Эдс-Байриг один – создать угрозу Сестеру; и однако морской конунг не шлет к городу дозоров и не пытается отрезать подход к нему подкреплений.

– На Эдс-Байриге есть вода? – осведомился я у Ситрика.

– К юго-западу от холма бьет источник, – немного неуверенно ответил он. – Всего лишь ключ, господин. Не хватит на целую армию.

– Рагналл недостаточно силен, чтобы напасть на Сестер, – вслух размышлял я. – И он знает, что мы не станем терять людей, бросая их на валы Эдс-Байрига.

– Да он просто драться хочет! – Ситрик пожал плечами.

– Нет, не хочет, – возразил я. – Во всяком случае, не с нами.

В уме у меня забрезжила новая идея. Озвучить ее я не мог, потому как сам до конца не обдумал, но чутьем угадывал, к чему клонит Рагналл. Эдс-Байриг – это обманка, и мы – не враги. До поры. Наш черед еще наступит, но не сейчас. Я повернулся к Ситрику.

– Веди людей обратно в Сестер, – велел я ему. – Иди той же дорогой, которой мы пришли. Ублюдки должны увидеть тебя. И передай Финану: пусть выставит завтра дозор у кромки леса.

– Господин? – удивился Ситрик.

– Скажи Финану, чтобы дозор был сильным! Сотня или полторы самое меньшее! И чтобы Рагналл их видел! Передай, чтобы патрулировали между дорогой и рекой, – пусть северяне думают, что мы замышляем напасть с запада.

– Напасть с... – промямлил он.

– Просто выполняй! – рявкнул я. – Берг! Ты со мной!

Рагналл создал нам помеху для переправы через реку и заставил сосредоточить все наше внимание на Эдс-Байриге. Он демонстрирует свою осторожность: устроил мощную твердыню, намеренно избегает дразнить нас, высылая отряды на юг. Но все, что мне было известно о Рагналле, говорило: это кто угодно, только не осторожный человек. Это воин. Он быстр в движениях, бьет без жалости и величает себя конунгом. Раздающий золото повелитель, покровитель бойцов. Люди будут идти за ним до тех пор, пока его меч и копье приносят им пленников и захваченные пашни, а никто еще не разбогател, выстроив в лесных дебрях крепость и приглашая врага к атаке.

– Передай Финану, что я вернусь завтра или послезавтра! – крикнул я Ситрику. Потом кивнул Бергу и двинулся на восток. – Завтра или послезавтра!

Берг Скаллаgrimрсон был норманном, принесшим мне клятву верности. Верность в уплату за то, что тремя годами ранее я сохранил ему жизнь на морском берегу в Уэльсе. Ему не составило бы труда в любой миг удрать на север, в королевство Нортумбрия, и найти там дана или соотечественника-норманна, который с радостью возьмет на службу молодого, крепкого дружинника, но Берг соблюдал присягу. Он был узколицым голубоглазым парнем, серьезным и вдумчивым. Волосы он носил длинные, на норманнский манер, и даже уговорил дочку Ситрика нацарапать ему на левой щеке рисунок при помощи иглы и чернил.

– Это что? – спросил я, когда шрамы слегка поджили.

– Волчья голова, господин! – возмущенно ответил он.

Голова волка являлась моей эмблемой, и изображение было способом выказать преданность, хотя, честно говоря, даже когда рубцы поджили, картинка больше напоминала перепачканное свиное рыло.

И вот мы вдвоем поскакали на восток. Я по-прежнему не опасался наткнуться на вражеский отряд, потому что заподозрил истинные намерения Рагналла, и, основываясь на догадке, мы ехали весь день, свернув за это время на север, на римскую дорогу в Нортумбрию. Мы все еще находились изрядно на восток от Эдс-Байрига. Ближе к вечеру поднялись на невысокий холм. С него я увидел переброшенный через реку мост, а на другой его стороне, близ стоящих на северном берегу Мэрса двух хижин, – людей в кольчугах. С копьями.

– Сколько их? – спросил я у Берга, чьи глаза были поострее моих.

– Господин, самое меньшее сорок.

– Рагналл не хочет дать нам переправиться через реку, так? Значит, нам обязательно следует попасть на другую сторону.

С час мы скакали на восток, бдительно высматривая врага, а в сумерках повернули на север и вышли к месту, где Мэрс спокойно нес воды среди заливных лугов.

– Твоя лошадь плыть может? – осведомился я у Берга.

– Сейчас выясним, мой лорд.

Река здесь была широкой, самое малое шагов в пятьдесят, а берега обрывистые. Вода мутная, и, как я догадывался, было глубоко, поэтому, решив не рисковать лошадьми, мы пошли вверх по течению, пока не обнаружили местечко, где развезенная тропа входила в реку на южном берегу и выходила на северном, намекая на брод. Переправа явно не была оживленной, – видимо, просто какой-то крестьянин обнаружил подходящий для перегона скота участок. Однако я подозревал, что обычно река стояла ниже. От дождей она поднялась.

– Будем переправляться, – решил я и ввел коня в реку.

Вода доходила мне до сапог, затем до бедер, и я почувствовал, как скакун борется с течением. Один раз он поскользнулся, я покачнулся, подумав, что вот-вот свалюсь, но конь каким-то образом выровнялся и ринулся вперед, гонимый скорее страхом, чем моими понуканиями. Берг ехал за мной, но так пинал лошадь, что обогнал меня и первым выбрался на противоположный берег. С него стекали вода и жидкий ил.

– Ненавижу ползать по реке, – буркнул я, присоединившись к дружиннику.

В миле от русла мы обнаружили рощицу из ясеней и расположились на ночлег: стреножили коней, а сами попытались отдохнуть. Берг в силу молодости дрых как убитый, но я большую часть ночи пролежал без сна, прислушиваясь к шороху ветра в листьях. Разжигать костер не решался. Местность тут, как и край к югу от Мэрса, казалась безлюдной, но это не исключало, что враг где-то рядом, поэтому я мерз в темноте. Только к утру забылся тревожным сном, а пробудившись, увидел, что Берг аккуратно делит краюху хлеба.

– Господин, это тебе, – сказал он, протягивая мне кусок побольше.

Я взял меньшую часть, потом встал. Кости ныли все до единой. Я подошел к краю рощи и заглянул в окружающую нас серость. Серое небо, серая земля, серый туман. Был час перед рассветом. Сзади слышались шаги Берга.

– Господин, седлать коней? – спросил он.

– Пока не надо.

Берг подошел и встал рядом.

– Господин, где мы?

– В Нортумбрии. Все, что к северу от Мэрса, – это Нортумбрия.

– Твоя страна.

– Моя страна, – согласился я.

Я родился в Нортумбрии и надеюсь здесь же и умереть, хотя мой родной край лежит на восточном берегу, далеко от этих укутанных туманом полей, в долине Мэрса. Моя земля – это Беббанбург, крепость на краю моря. Ее подло украл у меня мой дядя, и, хотя сам он давно мертв, могучая твердыня до сих пор в руках его сына. Я поклялся, что в один прекрасный день убью двоюродного брата и заберу то, что принадлежит мне по праву. Эту клятву я повторял каждый день своей жизни.

Берг вглядывался в седую сырость.

– Кто тут правит? – спросил он.

Вопрос заставил меня усмехнуться.

– Скажи-ка, ты слышал про Сигфротира? – осведомился я.

– Нет, господин.

– А про Кнута Однорукого?

– Нет, господин.

– Про Хальфдана Отирсона?

– Нет, господин.

– Эовела Сильного?

– Нет.

– Эовел оказался не сильным, – хмыкнул я. – Потому что Ингвер Сверкающий Меч его убил. Слышал про Ингвера?

– Нет, господин.

– Сигфротир, Кнут, Хальфдан, Эовел и Ингвер, – снова перечислил я имена. – За последние десять лет каждый из них величал себя королем Йорвика. И лишь один из них, Ингвер, жив сегодня. Тебе известно, где находится Йорвик?

– На севере. Это город.

– Некогда это был великий город, – с грустью подтвердил я. – Его построили римляне.

Берг оживился.

– Как и Сестер?

Парень мало знал о Британии. Он служил Рогнвальду, норманну, погибшему в кровавой бойне на валлийском берегу. С той поры Берг перешел на службу ко мне, жил в Сестере и сражался с шайками угонщиков скота из Нортумбрии или из королевств Уэльса, и всегда отличался любознательностью.

– Йорвик, как Сестер, – кивнул я. – И, как у Сестера, его сила кроется в стенах. Он сторожит реку, но тот, кто правит в Йорвике, может претендовать на власть над Нортумбрией. Ингвер Сверкающий Меч – король Йорвика, но называет себя королем Нортумбрии.

– И является таковым?

– Делает вид, хотя, по правде говоря, он всего лишь вождь из Йорвика. Однако никто другой не может величать себя королем Нортумбрии, пока не взял Йорвик.

– Город плохо защищен? – спросил Берг.

– Стены у Эофервика мощные, – ответил я, назвав Йорвик его саксонским именем. – Очень мощные! Устрашающие! Мой отец погиб, штурмуя их. И сам город лежит в богатой стране. Тот, кто правит Эофервиком, может позволить себе стать дающим золото, нанимать людей, жаловать имения, кормить коней. А значит – командовать армией.

– И все это есть у короля Ингвера?

– Ингвер даже псу не может приказать помочиться, – фыркнул я. – У него от силы сотни две воинов. А за стенами? За стенами у него ничего. Вне стен правят другие люди, и придет день, когда один из них прикончит Ингвера, как тот прикончил Эовела, и провозгласит себя королем. Сигфротир, Кнут, Хальфдан и Эовел: все они назывались королями Нортумбрии и все погибли от рук соперника. Нортумбрия не королевство, это яма с крысами и терьерами.

– Вроде Ирландии, – пробормотал Берг.

– Ирландии?

– Страны мелких королей, – пояснил парень и нахмурился на миг. – Порой кто-то называет себя верховным королем. И вероятно, является таковым, но остается куча мелких, и они грызутся между собой как собаки. Можно подумать, что собак этих легко перебить, однако попробуй сунься – они мигом объединятся.

– Верховного короля в Нортумбрии нет, – промолвил я. – Пока нет.

– А будет?

– Рагналл, – сказал я.

– Эге! – воскликнул он, начиная понимать. – И однажды нам предстоит взять эту землю?

– Однажды, – подтвердил я, желая, чтобы этот день наступил скорее.

Этельфлэд, правительница Мерсии, предпочитала сначала изгнать данов из своей страны. Ей хотелось восстановить древние границы Мерсии и лишь потом повести армию в Нортумбрию. И даже так она не решилась бы начать войну, не получив благословения брата. Однако теперь пришел Рагналл, и завоевание Нортумбрии грозило стать еще более трудным делом.

Мы оседлали коней и шагом двинулись на запад. Слева привольно и лениво извивался Мэрс, петляя среди густых заливных лугов. Никто не обрабатывал здешние земли. Некогда тут селились даны и норманны, фермы их процветали в этом плодородном краю, но мы отогнали их подальше от Сестера, на север, и теперь чертополох рос там, где прежде пасся скот. Две цапли пролетели вниз по реке. Легкий дождь набежал с далекого моря.

– Господин, госпожа Этельфлэд придет? – спросил Берг, пока мы вели лошадей через дыру в ветхой изгороди, а потом через затопленную канаву.

Туман поредел, хотя полосы его еще висели над широкими излучинами реки.

– Придет, – согласился я и с удивлением испытал отчетливый прилив удовольствия при мысли, что увижу ее снова. – Этельфлэд в любом случае приехала бы благодаря этой дурацкой затее с новым епископом. – Она обожала всякие возведения на престол, хотя как могло доставлять удовольствие три или четыре часа слушать пение монахов и разглагольствования попов – выше моего понимания. Отказывался я понимать и то, зачем епископам престолы. Так они и корону потребуют. – И приведет с собой войско, – продолжил я.

– И мы сразимся с Рагналлом?

– Ей захочется изгнать его из Мерсии, – ответил я. – И если морской конунг решит остаться за своими новыми стенами, без кровопролития не обойтись.

Я повернул на север, к невысокому холму, который помнил со времен набегов через реку. Холм венчала купа сосен, и в ясный день с вершины открывался Сестер. Но тот день выдался пасмурным, и шанса полюбоваться на город не представилось, зато вырастающий на противоположном берегу зеленый горб Эдс-Байрига просматривался отчетливо. Я видел неошкуренные бревна нового частокола поверх валов, а еще ближе виднелся сгрудившийся в широкой излучине Мэрса флот Рагналла.

И мост.

Поначалу я сомневался и попросил посмотреть Берга, глаза которого были намного моложе моих. Тот недолго всматривался, нахмурился, потом кивнул.

– Они сделали из лодок мост, господин.

Мост был наскоро сооружен из причаленных борт к борту судов, так что те выстроились поперек реки, а поверх палуб положили неструганные доски. Этим самодельным мостом воспользовалось уже такое количество пеших и конных, что в полях на этой стороне реки образовалась дорога – полоса перемешанной грязи, черная на фоне серых пастбищ. Далее дорога разбегалась малыми лучами, но все они вели на север. По лучам этим скакали сейчас всадники: три небольших отряда гнали лошадей прочь от Мэрса вглубь Нортумбрии, а один многочисленный отряд ехал на юг, к реке.

А деревья на южном берегу кутались в плотную пелену дыма. На первый взгляд мне показалось, что это густеющий речной туман, но чем больше я всматривался, тем сильнее убеждался: это костры лагеря в лесу. Много костров, дым которых поднимался над кронами. Дым этот говорил о том, что Рагналл держит значительное количество своих воинов близ Мэрса. На Эдс-Байриге размещался гарнизон, хлопотливо возводящий частокол, но воды из источника не хватало на все войско. И войско это, вместо того чтобы идти на юг, в Мерсию, торило тропы на север.

– Можем возвращаться домой, – сказал я.

– Уже? – удивился Берг.

– Уже. – Я понял, что замышляет Рагналл.

Мы возвращались той же дорогой. Ехали медленно, щадя коней. Небольшой дождь, принесенный холодным утренним ветром с Ирландского моря, сыпал нам в спину, и мне вспомнились слова Финана про договор между Рагналлом и Уи Нейллами. Ирландцы нечасто перебирались через море, разве что по торговым делам, да изредка, чтобы разжиться рабами на западном побережье Британии. Я знал, что в Шотландии и даже на диком западном берегу Нортумбрии имелись ирландские поселения, но никогда не встречал ирландских воинов в Мерсии или в Уэссексе. Нам хватало хлопот с данами и норманнами, только этих вот еще не доставало. Да, у Рагналла всего одна судовая команда ирландцев, но Финан хвастал, что каждый его соотечественник стоит троих из любого другого племени.

– Мы деремся как бешеные псы, – гордо заявлял мне он. – Если дойдет до боя, Рагналл пошлет ирландцев вперед. Спустит их на нас.

Мне достаточно часто приходилось наблюдать Финана в бою, чтобы поверить его словам.

– Мой господин! – Голос Берга заставил меня вздрогнуть. – Сзади!

Я обернулся и увидел трех всадников, следующих за нами. Мы находились на открытой местности, где некуда было спрятаться, и я выругал себя за беспечность. Погрузился в раздумья, пытаюсь понять, что предпримет Рагналл, и не смотрел назад. Заметить мы этих троих раньше, свернули бы в заросли кустарника, но теперь не могли избежать встречи с быстро нагоняющими нас конниками.

– Я поговорю с ними, – заявил я Бергу и, развернув коня, стал ждать.

Всадники были молоды, не старше двадцати. Лошади хорошие, резвые и сильные. На всех троих кольчуга, хотя щита или шлема не было ни у кого. Приближаясь, они растянулись, потом, шагах в десяти от меня, вздыбили коней. Волосы длинные, на лицах наколки. Это подсказало мне, что они норманны, хотя кого еще мог я встретить по эту сторону реки?

– Доброго вам утра, – обходительно пожелал я.

Тот юнец, что располагался посередине, тронул коня. Кольчуга у парня была хорошая, ножны меча украшали серебряные насечки, а висящий на груди молот отливал золотом. У него были длинные черные волосы, сальные и гладкие, собранные на затылке и прихваченные черной лентой. Он оглядел моего скакуна, потом меня и наконец уставился на Вздох Змея.

– Дед, добрый у тебя меч.

– Добрый, – мягко согласился я.

– Старикам мечи без надобности, – изрек он, и оба его спутника захохотали.

– Меня зовут Хефринг Фенирсон, – все таким же мягким тоном представился я. – А это мой сын Берг Хефрингсон.

– Скажи-ка мне, Хефринг Фенирсон, – сказал юнец, – почему ты едешь на восток?

– А почему бы и нет?

– Потому что ярл Рагналл созывает людей, а ты скачешь прочь от него.

– Ярлу Рагналлу старики без надобности, – ответил я.

– Верно. А вот молодые ему нужны. – Парень посмотрел на Берга.

– Мой сын не мастер обращаться с мечом.

На самом деле парень был смертоносно быстр с клинком, но присутствовало в его лице выражение какой-то невинности, делавшее предположение о нелюбви к войне вполне правдоподобным.

– А вы кто такие? – вежливо осведомился я.

Юнец помедлил, явно не желая называть свое имя, потом пожал плечами, видимо решив, что это не имеет значения.

– Отер Хардгерсон.

– Ты прибыл с кораблями из Ирландии? – поинтересовался я.

– Откуда мы пришли, тебя не касается, – отрезал он. – Ты принес присягу ярлу Рагналлу?

– Я не присягал на верность ни одному мужчине, – ответил я, причем сказал чистую правду: клятву-то я дал Этельфлэд.

Отер осклабился:

– Так ты, видать, ярл?

– Я крестьянин.

– Крестьянину не нужен хороший конь, – с издевкой заявил юнец, – да и меч тоже. Не нужна кольчуга, пусть даже такая ржавая. А что до твоего сына... – Норманн провел лошадь мимо меня и вперил взгляд в Берга. – Если он не умеет сражаться, то кольчуга меч и конь ему тоже ни к чему.

– Хочешь купить их? – поинтересовался я.

– Купить?! – Идея вызвала у Отера смех. – Выбирай, старик: вы можете поехать с нами и принести присягу ярлу Рагналлу или вы отдаете нам коней, оружие и доспехи и идете своей дорогой. – Он повернулся ко мне. – Ну, что скажешь?

Я знавал таких, как Отер. Молодой воин, возвращенный для боя, он привык презирать всех, кто зарабатывает на жизнь не мечом. Его одолевала скука. Юнец переплыл через море ради обещанных земель и добычи, и, хотя нынешняя осмотрительность Рагналла была полностью оправданна, Отера она раздражала. Ему приходилось ждать, пока ярл соберет больше людей, и людей этих явно вербовали в Нортумбрии, среди данов и норманнов, населяющих эту раздробленную страну. Отеру поручили нудную обязанность патрулировать

северный берег реки, чтобы не дать саксам высунуть нос за Мэрс, а ему не терпелось начать вторжение в Британию. Если Рагналл не поведет его в бой, он сам найдет с кем сразиться. Кроме того, Отер был самоуверенным молодым задирой, который не видел нужды бояться какого-то старика.

Да, наверное, я был стар. Борода моя подернулась сединой, и на лице отпечатались годы, но даже так Отеру и двум его приятелям стоило быть начеку. С какой стати крестьянину скакать на быстрой лошади? Или вешать на бок длинный меч? Или одевать кольчугу?

– Отер Хардгерсон, выбирай: ты или уезжаешь прочь и благодаришь богов, каким молишься, что убрался отсюда живым, или забираешь у меня меч, – ответил я. – Парень, выбор за тобой.

На удар сердца он воззрился на меня так, будто не поверил собственным ушам, потом расхохотался:

– Дедуля, пешим или на коне?

– Парень, выбор за тобой, – повторил я, и на этот раз произнес слово «парень» с неприкрытой издевкой.

– Ну, старик, ты покойник, – бросил он в ответ. – Пешим, дряхлый ты ублюдок!

Юнец проворно соскользнул с седла и приземлился на сырую траву. Я предположил, что драться на ногах он захотел потому, что конь его не приучен к бою, но это меня устраивало. Я тоже спешил, но проделал это медленно, словно мои старые кости и ноющие мускулы не давали мне поворачиваться.

– Мой меч зовется Кровопийца, – сообщил Отер. – Человеку следует знать имя оружия, которое посылает его в могилу.

– Мой меч...

– Да зачем мне знать имя твоего меча?! – прервал он меня, потом снова захохотал, вытаскивая из ножен Кровопийцу. Мой противник оказался правшой. – Старик, я сделаю это быстро. Ну, ты готов?

Вопрос был издевкой. Ему было плевать, готов ли я. Отер осклабился – я потянул из ножен Вздох Змея и взмахнул им так, будто сроду не держал оружия. Я даже ухватил его сначала левой рукой и только потом переложил в правую: все – с целью создать у него впечатление моей неопытности. Я оказался настолько убедительным, что юнец опустил меч и покачал головой.

– Ну и дурак ты, старик. Я не хочу убивать тебя, просто отдай меч.

– С удовольствием, – рыкнул я и шагнул к нему.

Парень протянул левую руку, я кистью крутанул Вздох Змея и ударил ему по руке, оттянул клинок назад, отбив в сторону Кровопийцу, потом в выпаде устремил острие меча ему в грудь. Вздох Змея уткнулся в кольчугу повыше грудины, заставив Отера отшатнуться. Он едва не споткнулся и, яростно взревев, взмахнул клинком, как косой, и снес бы мне голову, если бы я не вскинул Вздох Змея. Мечи встретились, я сделал еще шаг вперед и врезал парню рукоятью по лицу. Тот отчасти сумел увернуться, поэтому получил по скуле, а не по носу.

Отер попытался рассечь мне затылок, но места для замаха ему не хватило, а я отступил, вскинув при этом Вздох Змея так, что кончик его чиркнул противнику по подбородку, но не особенно сильно. Кровь пролилась, и ее вид побудил одного из спутников норманна выхватить меч. Я не увидел, но услышал, как скрестились клинки, и понял, что Берг вступил в бой. Сзади донесся стон, потом снова звон металла. Глаза Отера расширились при виде того, что происходило у меня за спиной.

– Парень, сосредоточься! – окликнул я. – Ты дерешься со мной, не с Бергом.

– Тогда до могилы, дедуля, – огрызнулся он и шагнул вперед, взмахнув мечом, и этот удар не оставило труда отразить.

Он оказался не слишком искусен в фехтовании. Конечно, юнец был проворнее меня – ведь, в конце концов, был моложе, – но у меня за плечами стояла жизнь, прожитая с мечом. Отер наседал, рубя снова и снова, а я отбивался. После шести или семи яростных замахов я резко отшагнул, опустил оружие, дав его мечу просвистеть мимо меня, отчего противник потерял равновесие. И тогда я бросил Вздох Змея вперед, поразив его в правое плечо, – проткнул кольчугу и рассек

плоть под ней. Заметив, что рука его упала, я на обратном замахе приставил лезвие ему к горлу. Вздох Змея, обогранный кровью, застыл неподвижно.

– Кстати, паренек, этот меч называется Вздох Змея, а меня зовут Утрedom Беббанбургским.

– Господин! – Юнец рухнул на колени, рука отказывалась ему повиноваться. – Господин, я не знал!

– Ты всегда обижаешь стариков?

– Я не знал! – взмолился он.

– Держи меч крепче, парень, и жди меня в Валгалле.

Я поморщился, когда потянул клинок на себя, перепиливая ему горло, а затем двинул вперед, доканчивая дело. Кровь струей хлынула на мокрую траву, норманн взвизгнул. Потом захрипел.

– Крепче держи Кровопийцу! – рявкнул я на него.

Он вроде как кивнул, потом свет померк в его глазах, и юнец упал. Меч остался в его руке, поэтому мне предстоит встретиться с Отером за пиршественным столом богов.

Берг обезоружил одного из всадников, тогда как другой был уже шагах в двухстах от нас и бешено нахлестывал лошадь.

– Господин, прикончить этого? – уточнил Берг.

Я покачал головой:

– Я отправлю с ним послание.

Я подошел к лошади парня и дернул пленника за руку. Он свалился с седла и распростерся на траве.

– Ты кто? – поинтересовался я.

Норманн назвал имя, не помню уже какое. Это был совсем мальчишка, и он охотно отвечал на вопросы. Рагналл строит большую стену на Эдс-Байриге, но одновременно разбил лагерь на берегу, там, где через реку переброшен мост из лодок. Там ярл собирает людей, формируя новую армию.

– И куда пойдет эта армия? – уточнил я.

– Брать саксонский город, – ответил юнец.

– Сестер?

Он пожал плечами. Название ему не сообщили.

– Лестницы вы делаете?

– Лестницы? Нет, господин.

Мы сняли с трупа Отера кольчугу, забрали его коня и меч, потом проделали то же самое с юнцом, которого обезоружил Берг. Ранен он был несильно, больше напуган и, увидев, как мы садимся в седла, задрожал.

– Передай Рагналлу, – сказал я парню, – что саксы из Мерсии идут. Скажи, что убитых у него будут тысячи. И что жить ему осталось всего несколько дней. А еще передай, что это ему обещает Утред Беббанбургский.

Пленник, проглотивший язык со страху, кивнул.

– Произнеси мое имя вслух, – велел я ему. – Чтобы я знал, что ты сумеешь повторить его Рагналлу.

– Утред Беббанбургский, – проямлил он.

– Хороший мальчик, – похвалил я пленника, и мы поскакали домой.

Глава третья

На следующий день приехал епископ Леофстан. Епископом, разумеется, он еще не был, просто отцом Леофстаном, но все уже восторженно величали его епископом и передавали из уст в уста, что это святой во плоти и великий ученый. О прибытии святого во плоти возвестил Эдгер, один из моих людей, возглавлявший рабочих в каменоломне к югу от реки Ди. Они там грузили на телеги булыжники; камни эти затем поднимали на укрепления Сестера в качестве гостинцев для норманнов, которые полезут на стены. Я был почти уверен, что Рагналл приступа не замышляет, но если вдруг спятит и попробует, то его встретит теплый прием.

– Ублюдков по меньшей мере восемьдесят, – сообщил Эдгер.

– Попов?

– Попов тоже хватает, – мрачно отвечал дружинник. – Но остальные... – Он перекрестился. – Господин, бог весть, кто это такие, но их самое малое восемь десятков, и они идут.

Я пошел на южную стену и стал смотреть на дорогу за римским мостом, однако никого не увидел. Городские ворота были закрыты. Пока Рагналл не уберется из окрестностей, всем воротам Сестера предстояло оставаться на запоре. Хотя весть о приближении епископа уже разлетелась и отец Сеолнот во всю прыть бежал по главной улице, до пояса подобрав длинную рясу.

– Нам следует открыть ворота! – потребовал он. – Достигло даже до ворот народа моего, до Иерусалима!

Я посмотрел на Эдгера, тот пожал плечами:

– Господин, похоже, это откуда-то из Писания.

– Откройте ворота! – выдавил запыхавшийся Сеолнот.

– Зачем? – бросил я с боевой площадки над аркой.

Сеолнот остановился как вкопанный. Он не заметил меня на укреплениях. Потом ослабил.

– Епископ Леофстан едет!

– Ворота останутся закрытыми, – отрезал я и, отвернувшись, стал смотреть за реку. Послышалось пение.

Подожли Финан и мой сын. Ирландец хмуро поглядел на юг.

– Отец Леофстан едет, – пояснил я причину суеты.

На улице собиралась толпа, все пялились на большие закрытые ворота.

– Это я слышал, – бросил Финан.

Я замялся. Мне хотелось чем-то его утешить, но что сказать человеку, убившему кровного родича? Друг ощутил, видимо, мой взгляд.

– Хватит беспокоиться обо мне, – буркнул он.

– С чего ты взял, что я беспокоюсь?

Губы его тронула легкая улыбка.

– Перебью какое-то количество людей Рагналла. Потом убью Коалла. Клины клином вышибают. О Иисус! Это что такое?

Вопрос этот вызвало появление детей. Они шли по дороге к югу от моста, и, насколько я мог определить, все были одеты в белые одежды. Насчитывалось их десятка два, все они шли и пели. Некоторые помахивали при этом веточками. За ними следовал отряд облаченных в черные рясы попов, а замыкала шествие бредущая толпа.

К отцу Сеолноту присоединился его брат-близнец; пара взобралась на площадку и с благоговейным выражением на уродливых физиономиях стала глядеть на юг.

– Какой святой человек! – заявил Сеолнот.

– Следует распахнуть ворота! – настаивал Сеолберт. – Почему ворота закрыты?

– Потому что я не давал приказа открывать их, вот почему! – буркнул я. Ворота держали запертыми.

Причудливая процессия пересекла реку и подошла к стенам. Дети размахивали драными ивовыми ветками в такт песнопению, но ветви начали опускаться, а песня смолкла, когда шествующие уперлись в наполненный водой ров и поняли, что дальше пути нет. Воцарилась полная тишина, и молодой священник, проложив себе дорогу через белый хор, выступил вперед и обратился к нам.

– Ворота! Открывайте ворота!

– Ты кто? – спросил я в ответ.

Поп возмутился:

– Отец Леофстан едет!

– Кто?

– О Иисус милосердный! – раздался за спиной голос Сеолберта.

– Отец Леофстан! – повторил молодой. – Отец Леофстан – это ваш...

– Тихо! Молчи! – скомандовал тощий поп, едущий верхом на осле.

Поп был такой длинный, а ослик такой маленький, что ноги наездника волочились по дороге.

– Воротам следует быть закрытыми, – обратился он к рассерженному молодому священнику. – Ибо поблизости язычники! – Он почти свалился с осла, потом заковылял по дощатому мосту через ров и поднял к нам улыбающееся лицо. – Приветствую вас, во имя Бога живого!

– Отец Леофстан! – откликнулся Сеолнот и замахал.

– Ты кто? – спросил я.

– Леофстан, слуга Божий, – ответил тощий. – А ты, верно, лорд Утред?

Я кивнул в ответ.

– Лорд Утред, я смиренно прошу разрешения войти в город, – продолжил Леофстан.

Я обвел взглядом одетый в лохмотья хор, потом беспорядочную толпу и вздрогнул. Леофстан терпеливо ждал. Он был моложе, чем я ожидал, с широким бледным лицом, полными губами и темными глазами. И улыбался. У меня создалось впечатление, что он всегда улыбается. Прелат терпеливо ждал и все так же с улыбкой смотрел на меня.

– Кто эти люди? – осведомился я, указывая на отребье, следовавшее за ним.

Это и было настоящее отребье. Ни разу в жизни мне не приходилось видеть столько людей в лохмотьях. Насчитывалось их, наверное, около сотни: калеки, горбуны, слепцы, кучка мужчин, явно спятивших, и женщин, которые тряслись, лопотали что-то и брызгали слюной.

– Лорд Утред, эти крошки, – Леофстан положил руки на плечи двоим из детей, – сироты, которые доверены моей скромной заботе.

– А остальные? – Я кивнул в сторону бормочущей толпы.

– Чада Божьи! – с восторгом ответил Леофстан. – Увечные, хромые и слепые! Нищие и отверженные! Они голодны, наги и одиноки! Все это чада Божьи!

– А тут им что понадобилось? – спросил я.

Леофстан хмыкнул, словно ответ на мой вопрос был слишком очевиден.

– Лорд Утред, наш дорогой Господь заповедал заботиться о беззащитных. Что сказано у благословенного апостола Матфея? «Ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня». Лорд Утред, одевать нагих и помогать бедным – значит повиноваться Богу! Эти милые люди, – тут он обвел никчемную ораву рукой, – есть моя семья!

– Иисусе многопретерпевший, – вымолвил Финан, и в первый раз за последние дни в его голосе прорезалось веселье.

– Да восхвалим Господа, – произнес Сеолнот, хотя и без особого энтузиазма.

– А тебе известно, – обратился я к Леофстану, – что менее чем в половине дневного перехода отсюда расположилось войско норманнов?

– Язычники гонят нас, – провозгласил он. – Ярость их направлена на нас! Но Господь с нами!

– И что этот город вскоре может оказаться в осаде? – продолжал я.

– Господь – моя сила!

– А если нас осадят, то как смогу я прокормить твою семью? – сердито осведомился я.

– Всевышний все устроит!

– Этого тебе не одолеть, – тихо сказал Финан.

– А где будут они жить? – бросил я раздраженно.

– У Церкви есть тут собственность, как мне сообщили, – спокойно ответил Леофстан. – А потому Церковь приютит их. К тебе же не приблизятся!

Я зарычал, Финан ухмыльнулся, священник продолжал улыбаться.

– Откройте чертовы ворота, – распорядился я, потом зашагал вниз по каменным ступеням.

На улицу я вышел, как раз когда новый епископ прохромал под длинной аркой ворот. Оказавшись внутри, он упал на колени и поцеловал мостовую.

– Благословен будь город сей, – нараспев произнес он. – И благословен народ, в нем обитающий. – С трудом поднявшись, прелат улыбнулся мне. – Лорд Утред, для меня честь познакомиться с тобой.

Я коснулся молота, висящего на шее, но даже этот языческий символ не стер улыбку с его лица.

– Один из этих священников, – я указал на близнецов, – проводит тебя в твои покои.

– Отец, тебя ожидает прекрасный дом, – доложил Сеолнот.

– Мне не нужен прекрасный дом! – воскликнул Леофстан. – Господь наш не жил в постройках! У лис есть нора, а у птиц небесных – гнезда, но для нас достанет чего-то скромного.

– Для нас? – удивился я. – Для всех вас? То есть и для увечных?

– Для моей дорогой супруги и меня, – пояснил Леофстан и указал на женщину, выступившую из числа сопровождающих его попов.

По крайней мере, мне оставалось лишь поверить на слово про ее принадлежность к бабьему роду, так как она была настолько закутана в плащи и накидки, что определить точно пол не смог бы никто. Лицо скрывалось под низко надвинутым капюшоном.

– Это моя дорогая жена Гомерь, – представил он, и этот ворох одежды отвесил мне поклон.

– Гомерь? – Я решил, что мне показалось, потому что никогда не слышал прежде такого имени.

– Имя из Писания! – просветил меня Леофстан. – И знай, лорд, что мы с женой дали обет бедности и целомудрия. Нам достаточно простой лачуги, не так ли, дражайшая?

«Дражайшая» кивнула, из-под вороха капюшонов, накидок и плащей слышалось нечто вроде писка.

– Я таких обетов не давал, – сказал я с чрезмерным нажимом. – Добро пожаловать вам обоим. – Эти слова добавил неохотно, потому что они не были правдой. – Только пусть ваша проклятая семейка не путается под ногами у моих воинов. У них своих забот хватает.

– Мы будем молиться за тебя! – Леофстан повернулся. – Пойте, дети, пойте! Машите ветвями радостно! Служите Господу с веселием, пока мы входим в город!

Вот так епископ Леофстан вступил в Сестер.

– Ненавижу ублюдка, – проворчал я.

– Да ничего подобного, – возразил Финан. – Тебе просто не хочется признать факт, что он нравится тебе.

– Он улыбается, скользкий мерзавец.

– Леофстан – знаменитый ученый, святой во плоти и очень хороший священник.

– Надеюсь, подхватит червей и умрет.

– Говорят, он знает латынь и греческий!

– Ты встречал хоть раз римлянина? – спросил я. – Или грека? Какой прок от их треклятых языков?

Финан рассмеялся. Приезд Леофстана и моя желчная к нему ненависть, похоже, позабавили моего друга. Теперь мы вдвоем вели сто тридцать воинов на быстрых конях в дозор к краю леса, окружающего и охраняющего Эдс-Байриг. До сих пор мы патрулировали южную и восточную границы леса, потому что именно через них двинулись бы люди Рагналла, если собирались предпринять набег вглубь Мерсии. Но ни один из наших разведчиков не добыл свидетельств о подобных набегах. В тот день, следующий после прибытия епископа, мы держались у западной стороны зарослей и двигались на север, к Мэрсу. Врагов не видели, однако я был уверен, что они видят нас. Где-то на кромке дебрей должны быть выставлены посты.

– Как думаешь, он действительно соблюдает целибат? – поинтересовался Финан.

– Откуда мне знать?

– Наверное, жена у него, бедолаги, похожа на сморщенную репу. – Он прихлопнул овода, севшего на шею его коню. – Как там ее зовут?

– Гомерь.

– Уродливое имя, уродливая баба, – с ухмылкой сказал ирландец.

День выдался ветреный, высокие облака быстро неслись в сторону материка. Вдали над морем слоились темные тучи, но пока утренние солнечные лучи играли на поверхности Мэрса, несущего свои воды в миле от нас. Еще две увенчанные драконьими головами лодки прошли вверх по течению за предыдущий день: одна с четырьмя с лишним десятками воинов на борту, другая поменьше, но тоже набитая битком. Собирающаяся на западе буря давала надежду, что сегодня новых кораблей не будет, но сила Рагналла все равно росла. И как быть нам с этой силой?

В поисках ответа на этот вопрос мы захватили с собой два десятка лошадей. Все под седлом. Всякий, кто наблюдал за нами из леса, пришел бы к мысли, что это запасные кони, но на самом деле их назначение было совсем иным. Я придержал скакуна, давая Бедвильфу поравняться со мной.

– Ничего у тебя не выйдет, – сказал я ему.

– Все проще простого, господин.

– Уверен?

– Господин, проще простого, – повторил он.

– Мы вернемся завтра в это же время, – пообещал я ему.

– В то же место?

– Да.

– Тогда за дело, мой господин, – с улыбкой промолвил разведчик.

Мне хотелось знать, что происходит на Эдс-Байриге и на речной переправе к северу от холма. Я обнаружил наплавной мост через Мэрс, а густые столбы дыма, поднимающиеся из леса на южном берегу, намекали на то, что основной лагерь Рагналла расположен там. Если так, то как он защищен? И насколько закончены новые стены на Эдс-Байриге? Мы могли бы собрать отряд, пройти по римской дороге через лес, потом свернуть на север, поднявшись на гребень, и оттуда подойти к невысокому Эдс-Байригу, но я не сомневался, что Рагналл готов именно к такой вылазке. Дозорные предупредят о нашем появлении, его люди наводнят лес, и наше отступление превратится в отчаянный бой с превосходящим врагом среди густых деревьев. А вот Бедвильф, невидимый, как призрак, способен разведать холм и лагерь у реки, и неприятель даже не заподозрит, что он там побывал.

Проблемой для Бедвильфа было войти в лес так, чтобы враг этого не заметил, для чего и потребовались лошади без седоков.

– Мечи наголо! – бросил я своим и потянул Вдох Змея из ножен. – Давай!

Мы пришпорили коней и повернули прямо на восток, устремившись во весь опор к деревьям, словно собирались проскакать напрямик через лес к лежащему за ним холму. Влетели в заросли, но, вместо того чтобы устремиться к Эдс-Байригу, резко развернулись на юг и поехали под прикрытием листвы вдоль опушки. За спиной у нас запел рог. Пропел он трижды – дозорные Рагналла извещали ярла, что саксы вступили в лес, хотя на самом деле мы двигались по его краю. Из кустов слева от нас выскочил человек; Финан забрал в сторону, рубанул – и весеннюю зелень обагрили красные брызги. Наши лошади галопом пересекли залитую солнцем поляну, густо поросшую папоротником, потом мы снова оказались среди мощных стволов, ныряя под нависшие ветви. Еще один разведчик Рагналла выскочил из укрытия, и сын, нагнав его, вонзил ему меч в спину.

Я на всем скаку пронесся через молодую поросль из орешника и бузины.

– Он ушел! – крикнул сзади Ситрик.

Обернувшись, я заметил справа лошадь Бедвульфа без седока. Мы проехали с полмили, но дозорных больше не обнаружили. Рог все еще пел, ему издалека, видимо с холма, отвечал другой. Воины Рагналла облачаются сейчас в кольчуги и препоясываются мечами, но задолго до того, как они успеют добраться до нас, мы свернем на выпас, а потом на тропу пастухов, ведущую в Сестер. Мы остановились, выбрав открытый как на ладони участок, согнали в табун лошадей без всадников и выждали, но ни один противник не появился на опушке. Птицы, испуганные нашей скачкой среди деревьев, возвращались на насиженные места. Рога умолкли, и лес снова погрузился в тишину.

Дозорные Рагналла видели, как отряд въехал в лес, затем выехал из леса. Если бы Бедвульф просто спрыгнул с седла и спрятался где-нибудь, враги заметили бы, что одна из лошадей лишилась в дебрях всадника. Однако им вряд ли придет в голову пересчитать коней без седока. Никто не обратит внимания, что одним конем стало больше. Бедвульф, по моим прикидкам, должен благополучно укрыться среди наших недругов. Туча накрыла нас, по шлему ударили тяжелые капли.

– Пора возвращаться, – приказал я, и мы поскакали обратно в Сестер.

Тем вечером приехала Этельфлэд. Она прибыла во главе восьми с лишним сотен воинов и в крайне дурном расположении духа, которое усугубилось при виде Эдит. День выдался непогожим, хвост и гриву Гаст, кобылы Этельфлэд, трепало по ветру, так же как и длинные рыжие волосы Эдит.

– Почему она расхаживает с непокрытыми космами? – накинулась на меня Этельфлэд вместо приветствия.

– Потому что девица, – ответил я, глядя, как Эдит спешит укрыться от налетевшего дождя в доме, в котором мы поселились на главной улице Сестера.

Лицо Этельфлэд исказилось.

– Она не девица, она... – Этельфлэд проглотила остаток фразы.

– Шлюха, – решил помочь я.

– Передай ей, пусть уберет волосы как полагается.

– А разве шлюхам полагается заплетать волосы? – осведомился я. – Большинство из тех, с которыми мне довелось забавляться, предпочитали распускать их. Впрочем, есть в Глевекестре одна чернявая, которую епископ Вульфхерд любит нагибать, когда его жены нет в городе; так вот та укладывает их вокруг головы, как веревки. Он заставляет ее сначала заплести косы, а потом требует...

– Хватит! – оборвала меня она. – Передай своей женщине, пусть хотя бы попробует выглядеть прилично.

– Моя госпожа, можешь сказать ей это сама. И добро пожаловать в Сестер.

Она опять нахмурилась, потом слезла с Гаст. Этельфлэд ненавидела Эдит, брат которой пытался убить ее, и наверняка имела основания питать к девушке подобное чувство, но все же большей частью оно объяснялось тем, что Эдит делила со мной ложе. Этельфлэд также недолюбливала и Сигунн, много лет бывшую моей возлюбленной, но истаявшую в горячке две зимы назад. Я плакал по ней. Этельфлэд тоже была моей возлюбленной и, возможно, являлась ею до

сих пор, хотя в столь кислом расположении духа больше походила на моего врага.

– Все корабли потеряны! – воскликнула она. – И около тысячи норманнов засели в полудне пути отсюда!

– Теперь уже две тысячи, – поправил я. – И среди них по меньшей мере с сотню бешеных в бою ирландских воинов.

– А ведь этот гарнизон поставлен здесь именно для того, чтобы подобного не случилось! – прошипела Этельфлэд.

Сопровождавшие ее попы с укором посмотрели на меня. Священники почти всегда были рядом с ней, но сегодня их казалось больше чем обычно. Тут я вспомнил, что уже буквально через несколько дней праздник Эостры и нам предстоит дружно возрадоваться рукоположению смиренного, вечно улыбающегося Леофстана.

– И что мы будем с этим делать? – резко спросила Этельфлэд.

– Понятия не имею, я ведь не христианин, – напомнил я. – Наверное, вы запихнете бедолагу в церковь, усадите на престол и разразитесь обычными руладами?

– Ты это о чем?

– Честно говоря, я все равно не понимаю, зачем нам понадобился епископ. У нас нахлебников и так хватает, а тут еще этот придурок Леофстан приволок с собой половину убогих в Мерсии.

– Что мы будем делать с Рагналлом! – рявкнула она.

– А, ты про него! – Я сделал вид, что удивлен. – Ничего, разумеется.

– Ничего? – Этельфлэд вытаращилась на меня.

– Ну разве ты что-то придумаешь? – предложил я. – У меня не выходит!

– Боже правый! – прошипела она, потом вздрогнула, когда с порывом ветра на улицу обрушился заряд холодного дождя. – Поговорим в главном доме. И приведи Финана!

– Финан в дозоре, – отозвался я.

– Слава Всевышнему, что хоть кто-то тут занят делом, – буркнула Этельфлэд и зашагала к огромному римскому зданию в центре города.

Попы засеменяли за ней, оставив меня в обществе двух моих друзей, приехавших вместе с Этельфлэд. Первым был Осферт, ее сводный брат, незаконнорожденный сын короля Альфреда. Многие годы он оставался моим человеком и одним из лучших военачальников, а теперь состоял при дворе Этельфлэд в качестве советника.

– Не стоит тебе дразнить ее, – сурово укорил он меня.

– Это почему?

– Потому что у нее плохое настроение, – сообщил Мереваль, спрыгнув с лошади и улыбнувшись мне.

Мереваль командовал ее ближней дружиной и был одним из самых надежных людей из всех, кого я знал. Он размял ноги, помахал руками, потом погладил коня по загривку.

– Настроение у нее самое что ни на есть дерьмовое, – продолжил Мереваль.

– Из-за чего? Из-за Рагналла?

– Из-за того, что не меньше половины приглашенных на рукоположение отца Леофстана отказались приехать, – процедил Осферт.

– Придурки напугались? – предположил я.

– Они не придурки, а уважаемые церковники, – терпеливо возразил Осферт. – Мы обещали им празднование Пасхи, радость встречи с добрыми друзьями, но вместо этого тут война. Не думаешь же ты, что люди вроде епископа Вульфхерда станут рисковать попасть в плен? Рагналл Иварсон известен своей зверской жестокостью.

– Девчонки из «Снопа» будут рады, что Вульфхерд остается в Глевекестре, – ответил на это я.

Осферт тяжело вздохнул и зашагал за Этельфлэд. «Сноп» – отличная таверна в Глевекестре, при которой состоит несколько не менее отличных шлюх. Многим из них приходилось делить с епископом ложе, стоило его жене уехать.

– Не нужно тебе дразнить и Осферта, – с улыбкой сказал Мереваль.

– Он с каждым днем все больше походит на отца, – проворчал я.

– Осферт – хороший человек!

– Хороший, – согласился я.

При всей его серьезности и правильности, Осферт мне нравился. Он думал, что проклят в силу своего незаконного рождения, и старался преодолеть проклятие, ведя безгрешную жизнь. Хороший воин, храбрый и осмотрительный, и я не сомневался, что из него выйдет толковый советник для сводной сестры, с которой его роднил не только отец, но и глубокая набожность.

– Выходит, Этельфлэд расстроена тем, что шайка прелатов и монахов не приедет поглядеть, как Леофстана делают епископом? – уточнил я, пока мы с Меревалем шагали к главному дому.

– Расстроена, – подтвердил Мереваль, – потому что Сестер и Брунанбург дороги ее сердцу. Она рассматривает их как свои победы и огорчается, когда язычники угрожают им.

Он вдруг остановился и нахмурился. Это мрачное выражение относилось не ко мне, а к чернявому юнцу, который проскакал галопом мимо, обдав нас грязью и

водой из-под копыт. Молодой человек натянул поводья, резко остановив здорового коня, потом спрыгнул с седла, предоставив слуге ловить покрытого хлопьями пены жеребца. Наездник завернулся в черный плащ, небрежно кивнул Меревалю и направился к главному дому.

– Это еще кто такой? – спросил я.

– Кинлэф Харальдсон, – буркнул Мереваль.

– Один из твоих?

– Один из ее.

– Любовник Этельфлэд?! – ошарашенно переспросил я.

– Господи, нет! Любовник ее дочери, скорее всего, но Этельфлэд делает вид, что не знает об этом.

– Любовник Эльфинн! – Я все еще удивлялся, хотя, по правде говоря, удивляться стоило бы тому, что у Эльфинн нет любовника.

Девчонка красивая и легкомысленная, и ее пора было выдать замуж уже года три или четыре тому назад. По какой-то причине матери не удавалось сыскать подходящего жениха. Было время, когда рассматривался вариант поженить их с моим сыном, но идея этого брака не вызвала восторга, и, судя по следующим словам Меревалю, ожидать перемен не стоило.

– Не удивлюсь, если вскоре они поженятся, – кисло заметил мой друг.

Когда жеребца Кинлэфа проводили мимо меня, конь фыркнул, а на его крупе я разглядел выжженное клеймо в виде букв «К» и «Х».

– Он всех лошадей так метит? – любопытствовал я.

– Даже собак. Кончится, наверное, тем, что бедняжке Эльфинн тоже выжгут его имя на ляжках.

Я посмотрел на Кинлэфа, который, помедлив между большими колоннами у входа в главный дом, раздавал указания двум слугам. Юноша был приятный на внешность, с узким лицом и темными глазами, в дорогой кольчуге с богатым поясом, на котором висели ножны из красной кожи, окованные золотом. Эти ножны я узнал. Они принадлежали Этельреду, покойному мужу Этельфлэд. Щедрый дар, подумалось мне. Кинлэф перехватил мой взгляд и поклонился, затем повернулся и скрылся за высокими римскими дверями.

– Откуда он пожаловал? – спросил я.

– Западный сакс. Был дружинником у короля Эдуарда, но, повстречавшись с Эльфинн, перебрался в Глевекестр. – Мереваль помолчал немного и косо улыбнулся. – Не думаю, что Эдуард сильно переживает, лишившись его.

– Родовит?

– Сын тана, но ей кажется, что от его задницы исходят солнечные лучи, – пренебрежительно бросил Мереваль.

Я расхохотался:

– Он тебе не нравится.

– Это никчемный самоуверенный хлыщ, – заявил мой друг. – Однако леди Этельфлэд думает иначе.

– Драться умеет?

– Вполне, – ворчливо признал Мереваль. – Не трус, и не обделен честолюбием.

– Не самое плохое качество, – заметил я.

– Вот поэтому ему и не придется занять мое место.

– Этельфлэд тебя не отодвинет, – уверенно сказал я.

– Не поручусь, – мрачно проронил он.

Вслед за Кинлэфом мы вошли в зал. Этельфлэд восседала в кресле за отдельным столом на возвышении, Кинлэф расположился на стуле справа от нее, Осферт – слева. Она знаком велела мне и Меревалю присоединиться к их обществу. Огонь в центральном очаге чадил, а проникающий через дыру в римской крыше ветер заставлял дым густо стелиться по просторному помещению. Зал медленно заполнялся людьми. Многие из моих дружинников, кто не уехал с Финаном или не стоял в карауле на высоких каменных стенах, пришли послушать привезенные Этельфлэд новости. Я послал за Этельстаном, и ему тоже велели сесть за стол Этельфлэд, где уже разместились близнецы Сеолнот и Сеолберт. Остальное пространство помещения заполнили воины Этельфлэд. Слуги принесли воду и полотенца, чтобы знатные гости могли вымыть руки. Подали эль, хлеб и сыр.

– Так что случилось? – спросила Этельфлэд, когда разлили эль.

Я предоставил Этельстану поведать историю про сожжение кораблей в Брунанбурге. Ему это давалось тяжело – он определенно подвел тетю, не проявив должной бдительности, но парень твердо довел рассказ до конца и не пытался увильнуть от ответственности. Я был горд за него, а Этельфлэд обошлась с ним мягко, сказав, что никто не мог ожидать появления драккаров на Мэрсе ночью.

– Почему мы не получили предупреждения о приходе Рагналла? – резко осведомилась она.

Никто не ответил. Отец Сеолнот заикнулся было, поглядывая при этом на меня, но потом почел за благо прикусить язык. Этельфлэд поняла, что хотел он выразить, и посмотрела в мою сторону.

– Твоя дочь ведь замужем за братом Рагналла, – напомнила она с укором.

– Сигтригр не поддерживает брата, – промолвил я. – И допускаю, не одобряет поступка Рагналла.

– Но он должен был знать о планах морского конунга?

Я замялся.

– Да, – признал я наконец.

Было немыслимо, чтобы Сигтригр и Стиорра не ведали о затее, и мне оставалось предположить, что они не пожелали предупредить меня. Вдруг моя дочь теперь хочет, чтобы Британия стала языческой? Но почему тогда Сигтригр не присоединился к вторжению?

– И твой зять не послал весточки? – уточнила Этельфлэд.

– Может, и послал, – предположил я. – Но Ирландское море коварно. Его гонец мог утонуть.

Это неубедительное объяснение вызвало презрительное фырканье со стороны отца Сеолнота.

– Быть может, твоя дочь предпочла... – начал он, но Этельфлэд оборвала его.

– По части новостей из Ирландии мы, как правило, полагаемся на Церковь, – язвительно напомнила она. – Неужели вы перестали переписываться с клириками и монастырями этой страны?

Я с интересом наблюдал, как правительница выслушивает неловкие оправдания церковников. Этельфлэд – старшая дочь короля Альфреда, самая одаренная из всего большого выводка. В детские годы она была шустрой, счастливой, смешливой девчонкой. И вот выросла в настоящую красавицу со светло-золотистыми волосами и синими глазами. Брак с правителем Мерсии Этельредом наложил отпечаток суровости на ее черты. С его смертью большинство огорчений исчезло, однако женщина стала повелительницей Мерсии, и от забот о королевстве в ее пряди вкралась седина. Этельфлэд была теперь скорее просто приятной, чем прекрасной, со строгим узким лицом, всегда настороженным. Настороженным, потому что находились еще мужчины, считающие, что женщине не пристало править, хотя большинство мерсийцев любило ее и повиновалось охотно. От отца дочь унаследовала не только набожность, но и ум. Я знал, какой страстной она может быть. Правда, с течением лет Этельфлэд все больше полагалась на священников, которые уверяли, что пригвожденный Бог христиан на ее стороне. Вполне вероятно, так

оно и было, потому что правление ее оказалось успешным. Мы оттеснили данов, вернув украденные ими у Мерсии земли. И вот теперь объявился Рагналл и поставил под удар все, чего достигла Этельфлэд.

– Это не случайность, что он прибыл под Пасху! – настаивал отец Сеолнот.

Я никакого значения этому факту не придавал, как, судя по всему, и Этельфлэд.

– Отче, при чем тут Пасха? – удивилась она.

– Мы отвоевываем земли, – пояснил Сеолнот. – Строим бурги, чтобы оберегать их, и надеемся, что воины защитят эти бурги. – Последняя фраза сопровождалась быстрым и ядовитым взглядом в моем направлении. – Однако земли не могут быть в полной безопасности, пока Церковь не будет простирать оберегающую длань Господа над новыми пажитями! Об этом и говорит псалом: «Господь – Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться».

– Бе-е-е-е! – заблеял я и был вознагражден свирепым взглядом Этельфлэд.

– По-твоему, – обратилась она к близнецу, – Рагналл хочет помешать рукоположению?

– Потому он пришел сейчас, – заявил Сеолнот. – И вот почему нам нужно расстроить его злой умысел, возведя Леофстана на престол!

– Думаешь, он нападет на Сестер? – спросила Этельфлэд.

– А что еще ему тут делать? – с жаром заявил Сеолнот. – Он привел больше тысячи язычников, чтобы сокрушить нас.

– Теперь уже две, – поправил я его. – И часть из них христиане.

– Христиане? – вскинулась Этельфлэд.

– У него в войске есть ирландцы, – напомнил я ей.

– Язычников две тысячи? – впервые за все время заговорил Кинлэф.

Я не обратил на него внимания. Если хочет получить ответ, ему следует проявить больше вежливости. Но вопрос был разумный, и Этельфлэд он тоже волновал.

– Две тысячи? Ты уверен, что их так много?

Я встал и, обойдя стол, оказался у переднего края помоста.

– Рагналл привел тысячу воинов, – начал я. – И занял с ними Эдс-Байриг. По меньшей мере еще тысяча присоединилась к нему с тех пор: часть – по морю, часть – по дорогам, ведущим из Нортумбрии. Силы его растут! Вот только, хотя мощь его и увеличивается, морской конунг никого не выслал на юг. Ни одна корова не похищена в Мерсии, ни один ребенок не захвачен в рабство. Рагналл даже ни единой сельской церквушки не сжег! И разведчиков наблюдать за Сестером не выслал. Он просто не замечает нас!

– Две тысячи? – снова повторила Этельфлэд.

– Вместо этого, – продолжал я, – он выстроил мост через Мэрс и засылает своих воинов на север. Что лежит на севере?

Брошенный мной вопрос повис в дымном зале.

– Нортумбрия, – с готовностью подсказал кто-то.

– Люди! – воскликнул я. – Даны! Норманны! Люди, которые держат там земли и боятся, что мы отберем их. Люди, у которых нет короля, если не принимать в расчет то ничтожество в Эофервике. Люди, госпожа, которым нужен вождь, способный обеспечить им безопасность. Рагналл вербует воинов в Нортумбрии, поэтому его армия действительно растет с каждым днем.

– Они все на Эдс-Байриге? – уточнила Этельфлэд.

– Там быть может три или четыре сотни, – ответил я. – Для большего числа на холме не хватит воды. Остальные стоят лагерем на берегу Мэрса, где Рагналл

соорудил мост из кораблей. Думаю, именно там он собирает армию, и через неделю у него будет три тысячи человек.

Священники закрестились.

– Как, во имя Божье, – негромко промолвил Сеолберт, – сумеем мы одолеть такую орду?

– Под началом у Рагналла самое большое войско, какое видела Британия со времен твоего отца, – безжалостно продолжил я, обращаясь теперь прямо к Этельфлэд. – И с каждым днем это войско все разрастается.

– Нам следует положиться на волю Божью! – впервые подал голос отец Леофстан. – И на лорда Утреда! – лукаво добавил он.

Будущего епископа звали присоединиться к Этельфлэд, но он отклонил приглашение и остался за одним из столов в зале. Леофстан одарил меня своей лучистой улыбкой, потом погрозил пальцем:

– Лорд Утрэд, ты пытаешься запугать нас!

– Ярл Рагналл – личность устрашающая, – отрезал я.

– Но у нас есть ты! И ты сокрушишь язычников.

– Я сам язычник!

На это Леофстан только хмыкнул:

– Господь все устроит!

– Тогда, быть может, кто-нибудь объяснит мне, как Господь поспособствует победе над Рагналлом? – С этими словами я повернулся к высокому столу.

– Что сделано на данный момент? – спросила Этельфлэд.

– Я созвал фирд, – был мой ответ. – Дал приказ населению укрыться в бургах. Здесь мы углубили ров, заострили в нем колья, подняли на стены камни, пополнили кладовые. Сейчас у нас разведчики в лесу наблюдают как за новым лагерем, так и за Эдс-Байригом.

– Самое время сокрушить Рагналла! – с жаром воскликнул отец Сеолнот.

– Пусть кто-нибудь объяснит этому брызжущему слюной придурку, почему мы не можем напасть на Рагналла, – процедил я.

Затянувшуюся паузу нарушил Ситрик:

– Потому что ярл защищен стенами на Эдс-Байриге.

– Но не его люди у реки! – возразил Сеолнот. – Они-то не прикрыты!

– Это нам неизвестно, – объяснил я. – Вот почему мои разведчики и рыщут в зарослях. Но даже если норманнов не защищает частокол, у них есть лес. Войдем с армией в лес и угодим в засаду.

– Ты можешь переправиться через реку восточнее, – решил дать военный совет отец Сеолнот, – и напасть на мост с севера.

– И с какой стати мне это делать, безмозглый идиот? – спросил я. – Мост нужен мне там! Разрушив его, я тем самым запру три тысячи норманнов внутри Мерсии. А я хочу, чтобы они были снаружи! Хочу, чтобы ублюдки убрались за реку. – Я помолчал, потом решил добавить то, что, по моему мнению, являлось правдой – правдой, которую, по сокровенным моим расчетам, должен был подтвердить Бедвульф. – Дело в том, что и они стремятся к тому же.

Этельфлэд озадаченно нахмурилась:

– Они хотят уйти за реку?

Сеолнот пробормотал что-то насчет нелепой идеи, но Кинлэф уловил мой намек.

– Лорд Утред, – растолковал он, произнеся мое имя с почтением, – полагает, что истинная цель Рагналла – вторгнуться в Нортумбрию. Ему хочется стать там королем.

– Тогда почему он здесь? – жалобно спросил Сеолберт.

– Чтобы нортумбрийцы поверили, будто его амбиции направлены сюда, – пояснил Кинлэф. – Он сбивает с толку своих языческих противников. Рагналл не собирается идти на Мерсию...

– Пока, – решительно вставил я.

– Он хочет стать королем севера, – dokonчил Кинлэф.

Этельфлэд посмотрела на меня:

– Кинлэф прав?

– Думаю, да, – подтвердил я.

– Значит, Рагналл не идет на Сестер?

– Ему известно, что я сделал тут с его братом, – был мой ответ.

– С его братом? – переспросил недоуменно Леофстан.

– Сигтригр напал на Сестер, – пояснил я прелату. – И мы перебили его людей, а я взял у него правый глаз.

– А он – в жены твою дочь! – не удержался Сеолнот.

– Ну, хоть кому-то она понадобилась, – отрезал я, не отводя взгляда от Леофстана. Потом повернулся к Этельфлэд. – Рагналл не заинтересован нападать на Сестер, – заверил я ее. – Не в ближайшие год или два в любом случае. Когда-нибудь? Да, возможно, но не сейчас. – Я сказал это очень твердо, чтобы убедить ее. – Он не придет.

А на следующий день он пришел.

Норманны вылились из леса шестью большими потоками. Лошадей им все еще не хватало, поэтому многие топали пешком, но все без исключения в кольчугах и шлемах, со щитами и оружием. Они выныривали из-под деревьев со знаменами с изображением орлов, топоров, драконов, воронов, кораблей и молний. На иных флагах красовались христианские кресты, – как я понял, это были ирландцы Коналла. На одном штандарте виднелась незамысловатая эмблема Хэстена в виде черепа на шесте. Самым большим знаменем было полотнище с окровавленной секирой Рагналла. Свежий ветер развеивал его над группой всадников, возглавляющих эту громадную орду, которая неспешно строилась в могучую боевую линию, обращенную к восточным укреплениям Сестера. В рядах врагов трижды пропел горн, как будто они боялись, что мы не заметили их прибытия.

Финан вернулся до прихода противника и предупредил о замеченном в лесу оживлении. Теперь же он присоединился ко мне и моему сыну и наблюдал за армией, появлявшейся из далекого леса и разворачивающейся примерно в полумиле от нас на открытом пространстве.

– Лестниц нет, – сказал он.

– По крайней мере, не видно.

– Язычники сильны! – провозгласил отец Леофстан, который тоже забрался на стену и стоял в нескольких шагах от нас. – Но мы победим! Разве это не так, лорд Утред?

Я не обратил на него внимания и продолжил беседовать с Финаном:

– Лестниц нет, значит это не приступ.

– Но зрелище впечатляет, – вмешался мой сын, оглядывая многочисленное воинство. Потом повернулся, когда тоненький голосок пискнул что-то со ступеней, ведущих на парапет. Это была жена отца Леофстана, по крайней мере, тот кулек из плащей, платьев и капюшонов, с которым он въехал в город.

– Гомерь, дорогая! – вскричал будущий епископ и поспешил помочь кульку взобраться по крутым порогам. – Осторожнее, ангел мой! Осторожнее.

– Он женился на карлице, – проворчал Утред.

Я рассмеялся. Отец Леофстан был так высок, а «кулек» так мал и так укутан в слои одежды, что женщина напоминала упитанного гномика. Она выпростала руку, позволяя мужу помочь ей одолеть последние из истертых ступеней. Затем пискнула с облегчением, оказавшись наверху, и охнула, увидев армию Рагналла, проносившуюся в тот момент по римскому погосту. Гомерь стояла рядом с мужем, и ее макушка едва доходила ему до пояса; она ухватила за его рясу, словно опасаясь упасть с парапета. Я попытался рассмотреть ее лицо, но оно было надежно укрыто под большим капюшоном.

– Это язычники? – спросила она тоненьким голосочком.

– Не отчаивайся, моя дорогая, – весело сказал отец Леофстан. – Бог дал нам лорда Утреда, и Бог дарует нам победу. – Он обратил широкое лицо к небу и воздел руки. – Излей ярость Твою на народы, которые не знают Тебя, о Господь! – взмолился прелат. – Обрушь на них ярость Твою и сокруши Твоим гневом!

– Аминь! – пискнула его супруга.

– Вот бедняжка, – промолвил вполголоса Финан, глядя на нее. – Она, наверное, страшная, как жаба, раз кутается во все эти одежды. Леофстан, видимо, счастлив, что не обязан перепаживать ее.

– Может статься, это ей повезло, – заметил я.

– А вдруг она красotka? – задумчиво предположил мой сын.

– Ставлю два серебряных шиллинга, что жаба, – сказал Финан.

– Принято! – Сын протянул руку и скрепил спор.

– Не валяйте дурака! – рявкнул я. – Мне проблем с вашей дурацкой церковью хватает и без того, чтобы вы задирали юбки жене епископа!

– Его карлице, ты имеешь в виду, – уточнил Утред.

– Просто держите свои грязные лапы при себе, – велел я парню, потом повернулся и увидел, что одиннадцать всадников отделились от внушительной «стены щитов». Они скакали под тремя знаменами и направлялись к нашим укреплениям.

– Пора идти, – сказал я.

Настал час встречи с врагом.

Глава четвертая

Наши кони ждали на улице, а Годрик, мой слуга, держал превосходный шлем с волком на гребне, заново раскрашенный щит и накидку из медвежьей шкуры. Когда я взобрался в седло, знаменосец развернул знамя с волчьей головой. Ехал я на Тинтреге, новом, черном как ночь скакуне, здоровенном и диком. Его имя означало «Мучитель», это был подарок от моего старого друга Стеапы, командира придворной дружины короля Эдуарда. Он сделал его, перед тем как удалился на покой в свои владения в Вилтунскире. Подобно Стеапе, Тинтрег был приучен к битве и имел вредный нрав. Мне он нравился.

Этельфлэд уже ждала у северных ворот. Она сидела верхом на Гаст, своей белой кобыле, а под белоснежный плащ надела начищенную до блеска кольчугу. Мереваль, Осферт и Кинлэф были при ней, так же как отец Фраомар, ее капеллан и духовник.

– Сколько человек выехало из рядов язычников? – уточнила Этельфлэд.

– Одиннадцать.

– Возьми еще одного! – приказала она Меревалю.

Вместе с этим дополнительным человеком, а также с моим знаменосцем, мной, сыном и Финаном нас станет столько же, сколько выслал Рагналл.

– Захвати принца Этельстана! – велел я Меревалю.

Мереваль посмотрел на Этельфлэд, та кивнула.

– Только скажи, чтобы поспешил! – бросила она.

– Ублюдки подождут, – буркнул я, пропустив мимо ушей замечание Этельфлэд.

Этельстан уже облачился для битвы в кольчугу и шлем, поэтому ждать пришлось, только пока ему оседлают лошадь. Садясь в седло, он широко улыбнулся мне и уважительно поклонился тетке:

– Спасибо, госпожа!

– Просто помалкивай, – проворчала Этельфлэд. Потом возвысила голос: – Откройте ворота!

Громадные створки застонали и заскрипели, подаваясь наружу. Воины все еще взбегали по каменным ступеням на стены, а оба наших знаменосца миновали длинную арку. Держащий крест гусь Этельфлэд и моя волчья голова – именно на эти флаги падали лучи робкого весеннего солнца, когда мы процокали по мосту и пересекли наполненный водой ров. Потом пришпорили коней по направлению к Рагналлу и его людям, натянувшим поводья ярдах в трехстах от стен.

– Тебе туда ехать необязательно, – заметил я Этельфлэд.

– Это почему?

– Потому что там не будет ничего, кроме оскорблений.

– Думаешь, меня испугают слова?

– Думаю, он попытается задеть тебя и обидеть, – и твой гнев станет его победой.

– Наше Писание учит, что глупый наговорит много! – вставил отец Фраомар. Это был довольно приятный молодой человек, до мозга костей преданный Этельфлэд. – Так пусть убогий говорит и тем выдаст глупость свою.

Я обернулся в седле и посмотрел на стены Сестера. Их густо усеивали люди, солнце играло на остриях копий, рассредоточенных по всей длине парапета. Ров был очищен и дополнен заостренными кольями, со стен свисали знамена, большинство с изображением христианских святых. Весьма внушительные укрепления.

– Он свалит дурака, если попытается штурмовать город, – пробормотал я.

– Тогда чего он хочет? – спросила Этельфлэд.

– Этим утром? Запугать нас, унижить, вызвать на бой.

– Мне нужно на него посмотреть, – заявила Этельфлэд. – Хочу понять, что это за человек.

– Опасный, – ответил я и поймал себя на мысли, что бесчисленное число раз скакал вот так в полном боевом облачении на встречу с врагом перед битвой. Таков был ритуал. На мой взгляд, ритуал бессмысленный, он ничего не менял и не решал, но у Этельфлэд противник явно вызывал любопытство, и поэтому мы уважили Рагналла, выехав послушать его оскорбления.

Мы остановились в нескольких шагах от северян. При них было три штандарта. Самый большой принадлежал Рагналлу, с красной секирой, по бокам от него располагались знамена с плывущим по морю кораблем и хэстеновский череп на палке. Хэстен сидел на лошади и улыбался мне, как лучшему другу. Выглядел он старым, – впрочем, полагаю, и я тоже. Шлем его был инкрустирован серебром и украшен парой вороновых крыльев. Мерзавец явно наслаждался происходящим, в отличие от человека, на чьем знамени был изображен корабль на кровавых волнах. Это тоже был пожилой мужчина, узколицый, с седой бородой, шрамом через щеку и в превосходной работы шлеме с черным конским хвостом, ниспадавшим с гребня на спину. Окован шлем был золотом – королевский головной убор. Поверх кольчуги у воина висел крест, золотой с янтарными вставками, – свидетельство того, что это единственный христианин

среди стоящих перед нами врагов. Но особенно выделял его тем утром полный ненависти взгляд, обращенный на Финана. Я посмотрел на друга и отметил, что его лицо тоже перекошено яростью. Значит, этот человек в окованном золотом шлеме и есть Коналл, брат Финана. Взаимная их неприязнь буквально висела в воздухе. Достаточно одного слова, подумалось мне, и в ход пойдут клинки.

– Карлики! – нарушил молчание великан под знаменем с красной секирой, который тронул громадного жеребца и выехал на шаг вперед.

Значит, это сам Рагналл Иварсон, морской конунг, повелитель островов и предполагаемый будущий властелин Британии. На нем были кожаные штаны, заправленные в высокие сапоги с золотыми бляхами, золотые нашлепки украшали и пояс, к которому был подвешен исполинских размеров меч. Норманн не надел ни кольчуги, ни шлема, а голый торс перехватывали крест-накрест две полосы из кожи, под которыми бугрились мускулы. Грудь у него была волосатая, а из-под зарослей выглядывали нанесенные чернилами рисунки: орлы, змеи, драконы и топоры. Изображения поднимались от живота к шее, на которой висела скрученная золотая цепь. Руки ярла были густо унизаны серебряными и золотыми браслетами в ознаменование побед, в длинные волосы вплетены золотые кольца. Лицо широкое, суровое и угрюмое, а на лбу выколот орел с распростертыми крыльями, когтистые лапы птицы помещались на скулах.

– Карлики, вы пришли, чтобы сдать свой город? – с издевкой поинтересовался он.

– У тебя есть что сказать нам? – спросила у него Этельфлэд по-датски.

– Никак это женщина в кольчуге? – Рагналл обратил вопрос ко мне, вероятно, потому, что я был самым крупным в нашей делегации, или потому, что мой боевой наряд выделялся особым блеском. – Многое довелось мне повидать, – продолжил ярл доверительным тоном. – Я видел странное сияние в северном небе. Видел корабли, затянутые водоворотом. Видел льдины размером с гору, плывущие по морю. Видел китов, разламывающих судно надвое. Видел, как огонь течет по склону, словно блевотина. Но никогда не видел женщины в кольчуге. Не та ли это особа, которая, как говорят, правит Мерсией?

– Леди Этельфлэд задала тебе вопрос, – напомнил я.

Рагналл уставился на нее, приподнялся на ладонь в седле и смачно пернул.

– Вот ей и ответ, – сообщил он, явно довольный собой, снова опускаясь в седло. Этельфлэд, должно быть, не удержалась от гримасы, судя по тому, что морской конунг расхохотался. – Мне рассказывали, – продолжил Рагналл, снова обращаясь ко мне, – что правительница Мерсии – красивая женщина. А это ее бабушка?

– Это та, кто выделит тебе из своих владений земли на могилу, – ответил я.

Ответ был хилый, но я и не собирался платить оскорблением за оскорбление. Я слишком хорошо ощущал напряжение между Финаном и Коналлом и боялся, что оно может перерасти в бой.

– Значит, это и есть женщина-правительница! – Рагналл фыркнул, потом вздрогнул, изображая ужас. – И такая уродина!

– Я слышал, что от тебя нет спасу ни свиньям, ни козам, ни сучкам, – рявкнул я, поддавшись гневу. – Так что ты смыслишь в красоте?

Великан и бровью не повел.

– Уродина! – повторил он. – Но под моей рукой люди, которым наплевать, как выглядит баба. Они говорят, что старый поношенный сапог удобнее нового. – Рагналл кивнул в сторону Этельфлэд. – А у нее вид такой старый и поношенный, что они будут рады попользоваться ею! А может, и ей самой понравится?

Он смотрел на меня, ожидая ответа.

– Ты выглядел умнее, когда пернул, – сообщил я.

– А ты, надо полагать, господин Утред. Знаменитый лорд Утред! – Внезапно его перекосило. – Утред, ты убил одного из моих людей.

– Первого из многих.

– Отер Хардгерсон, – медленно произнес он имя. – Я отомщу за него.

– Ты последуешь за ним в могилу, – бросил я.

Рагналл потряс головой, отчего золотые кольца в волосах зазвенели.

– Мне нравился Отер Хардгерсон. Хорошо играл в кости и умел удерживать выпитое.

– Зато с мечом управлялся кое-как, – заметил я. – Не у тебя ли учился?

– Господин Утред, через месяц, считая с этого дня, я буду хлебать мерсийский эль из сделанного из твоего черепа кубка. Мои жены станут помешивать твоими берцовыми костями жаркое, а дети – играть в бабки фалангами твоих пальцев.

– Твой брат похвалялся так же, – отозвался я. – И кровь его людей до сих пор пятнает улицы. Его правый глаз я скормил своим псам, и их от него стошнило.

– Но дочь твоя у него, – лукаво вставил Рагналл.

– Даже свиньи не станут жрать твое вонючее мясо, – гнул я свое.

– И дочка-то красивая, – мечтательно сказал он. – Слишком хороша для Сигтригра!

– Мы сожжем твой труп – то, что от него останется, – и от смрада боги заткнут носы в отвращении.

Это его рассмешило.

– Богам мой смрад нравится, он их радует! Боги любят меня. И боги отдадут мне эту землю. Итак, кто начальник над этим местом? – Рагналл кивнул в сторону стен Сестера.

– Леди Этельфлэд, – сообщил я.

Ярл обвел взглядом своих спутников.

– Господин Утред шутит над нами! Он говорит, будто женщина командует воинами! – Его парни послушно захохотали, все, кроме Коналла, который по-прежнему злобно глядел на брата. Рагналл снова уставился на меня. – Вы все приседаете на корточки, когда хотите отлить?

– Если ему нечего сказать по делу, тогда мы возвращаемся в город. – Голос Этельфлэд дрожал от ярости. Она излишне резко дернула поводья Гаст.

– Убегаете? – Рагналл осклабился. – А я ведь принес тебе подарок, госпожа. Подарок и обещание.

– Обещание? – переспросил я.

Этельфлэд развернула кобылу и прислушалась.

– Уходите из города завтра до наступления сумерек, – заявил Рагналл. – И я буду милостив и пощажу ваши никчемные жизни.

– А если не уйдем? – задал вопрос Этельстан. Тон его был дерзким и вызвал сердитый взгляд со стороны тети.

– Щенок затыкал, – захохотал Рагналл. – Малыш, если не уберешься из города, мои воины хлынут через ваши стены, подобно гонимой штормом волне. Ваши женщины послужат мне утехой, ваши дети станут моими рабами, ваши мечи – моими игрушками. Ваши тела будут гнить, церкви – гореть, вдовы – рыдать. – Он помолчал и указал на свое знамя. – Можешь взять этот флаг, – предложил ярл мне, – и вывесить над городом. Так я пойму, что вы уходите.

– Знамя я твоё возьму, – кивнул я. – Пригодится подтирать задницу.

– Будет лучше, если вы просто уйдете. – Рагналл говорил так, как будто обращался к ребенку. – Перебирайтесь в другой город! Конечно, я и там вас найду, не беспокойтесь, но так вы проживете немного дольше.

– Приходите завтра, – сказал я тем же тоном. – Попробуйте перебраться через наши стены. Будьте нашими гостями, и ваши жизни станут немного короче.

Ярл хмыкнул:

– Господин Утред, мне доставит удовольствие убить тебя. Мои поэты воспоют этот подвиг! Будут петь о том, как Рагналл, властелин морей и король Британии, заставил великого Утрета хныкать, как дитя! Как Утред умер, умоляя о пощаде. Как он рыдал, когда я выпускал ему кишки. – В последних словах прорезалась вдруг злоба, но потом он снова улыбнулся. – Я совсем забыл про подарок!

Он подозвал одного из своих воинов и указал на траву между нашими лошадьми.

– Поставь здесь.

Воин спешился и опустил на траву деревянный сундучок. Сундучок был квадратный, размером с кухонный котел, и украшен резьбой. На крышке – распятие, а по сторонам шли рисунки людей с нимбами над головой, поэтому я решил, что некогда там хранилась священная книга христиан или какая-то из реликвий, так почитаемых ими.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

East – восток, Easter – Пасха (англ.).

Купить: https://telnovel.com/kornuell_bernard/voiny-buri

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)